

Свободы

май 2019

журнал
Никиты Михалкова

**ГРЕМЕЛО ГРОЗНОЕ «УРА!»,
ШУМЕЛО МОРЕ
В ЧАС ПРИБОЯ**

75 лет назад
наши войска
освободили Крым

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ПАВЛИШАК/ТАСС

Фрагмент диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» в Музее героической обороны и освобождения Севастополя

Помнит Вену, помнит Альпы и Дунай

Герой Советского Союза
Сергей Решетов

Что ни плакат, то факт

Виктор Корецкий:
злободневность, энергетика,
героический пафос

Татьянин мир

Главная роль
в судьбе Татьяны
Самойловой

Уцелевшие в смуту

Во дворце Дурасова в Люблино действует выставка «Заветные святыни. Подмосковные усадьбы на переломе эпох». В этом проекте, организованном при поддержке правительства Москвы, принимают участие сотрудники музеев-усадоб «Кусково», «Останкино», «Коломенское», «Архангельское», «Горки», а также Государственного музея А.С. Пушкина и галереи «Три века». Экспозиция охватывает период после отмены в России крепостного права до революций 1917 года, отвечает на вопросы о том, что помогло этим роскошным архитектурным комплексам выжить в годы потрясений и сохраниться до наших дней, как там зародились частные музеи.

Основу выставки составляют архивы дворянских семей, произведения искусства, мебель, посуда, украшения интерьера, фотоснимки. Здесь представлены работы живописцев Петра Петровича, Александра Средина, Витольда Бялыницкого-Бирули, Алексея Степанова, Исаака Бродского. Также можно увидеть особо почитаемые в то время родовые иконы св. Дмитрия Ростовского, апостолов Петра и Павла, прп. Сергия Радонежского, великомученицы Варвары, образ Тихвинской Божией Матери.

**Выставка работает до 16 июня по адресу:
Москва, ул. Летняя, д. 1, стр. 1**

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

май 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Связь времен	26–27	Книжная палата
3–7	Дом Романовых
Екатерина, ты была права
Великая императрица
и ее кадровая политика	28–31	Символ веры
Царей много, игумен — один
Как преподобный Сергей
государям помогал
8–11	Наш Крым
Гремело грозное «Ура!»,
шумело море в час прибоя	32–37	Страна мастеров
Гусь хрустально товарищ
Новая жизнь
старинного промысла
12–16	Званный гость
Помнит Вену,
помнит Альпы и Дунай	38–41	Стоп-кадр
Татьянин мир
17–21	Ретроспектива
Что ни плакат, то факт	42–47	Записки охотника
Ударенные током
Легко ли взять глухаря
22–25	Родное слово
Непрочитанный Леонов
Почему большой писатель
оказался среди «забытых»	48	Трапезная
Где пир честной,
там дух мясной

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

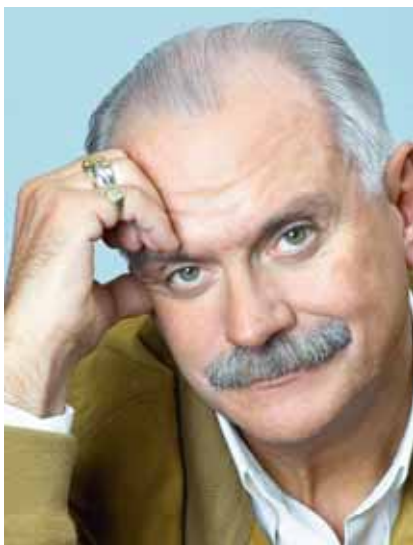
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 3024/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 15 апреля 2019 г.

Связь времен

На тему великого праздника, который мы отмечаем 9 Мая, мне доводилось выступать десятки — если не сотни — раз, и всегда меня охватывало при этом очень сложное чувство. С одной стороны, неизменно возникает желание выразить огромную, сердечную благодарность спасителям Отечества, призвать к тому же соотечественников. С другой — за истекшие после войны десятилетия было высказано такое количество громких слов, высокопарных фраз, что все они давно выглядят дежурными, малозначащими.

Историки, политологи, публицисты, говоря об итогах Второй мировой, почему-то дружно игнорируют одно важное — во всяком случае, лично для меня — обстоятельство. Пока Советским Союзом руководили заслуженные ветераны, те, кто добывал Победу на полях сражений, готовил ее в штабах и наркоматах, ковал на заводах, — целостности СССР абсолютно ничто не угрожало. Наши фронтовики от простого работяги до генсека аукались войной, знали, ЗА ЧТО они проливали кровь, и это могучее боевое братство являлось самым надежным гарантом нерушимости государства.

Крах случился именно тогда, когда у руля страны оказались люди с «иным опытом», с другими «принципами» — настолько отличными, что разница катастрофически отразилась как на обороноспособности и уровне жизни, так и на базовом образовании. Разве не выглядело абсурдом, например, то, что историю в наших школах какое-то время преподавали по откровенно антироссийским учебникам. В них авторы объясняли русским детям, что перелом в ходе войны произошел не под Сталинградом и Курском, а близ неких островов-атоллов в Тихом океане.

Более полувека, вплоть до 1990-х, не было нужды доказывать — ни за рубежом, ни тем более здесь, — что победу во Второй мировой одержал, прежде всего, Советский Союз, что основная заслуга в разгроме Германии и ее сателлитов принадлежит русскому солдату. Под конец XX столетия эту аксиому превратили в теорему, а затем и вовсе попытались «опровергнуть». Кто? Те, кто хотел искоренить в России сознание и бытие великой державы, лишить наш народ исторической памяти. Сегодня, когда стало совершенно ясно, что «им от нас надо», неизбежно возникает еще один вопрос: следует ли считать нанесенный нам за годы «реформ» ущерб непоправимым?

В школах уже давно не учат по книгам, выпущенным фондом Сороса. Всюду создаются детские патриотические организации и движения. Именами героев войны названы несколько российских аэропортов. Все увереннее шествует по стране и миру «Бессмертный полк», а в его рядах — десятки тысяч юношей и девушек. Молодежь выходит на улицы и площади городов с фотографиями дедов и прадедов в руках.

А значит, в полку тех, кто знает правду о Великой Отечественной, станет прибывать с каждым годом. 9 Мая обязательно поздравьте всех друзей и знакомых с Праздником. Этому Дню и этой Победе каждый из нас обязан жизнью. Подчеркиваю: каждый, без исключений.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the publisher, written in a cursive style.

Екатерина, ты была права

Женщина на троне в домостроевской, крестьянской, бесконечно воюющей стране — это же невероятно. Но только на первый, самый поверхностный взгляд. В русской истории в разные времена очень ярко проявили себя облеченные властью княгиня Ольга, Елена Глинская, другие замечательные представительницы «слабого» пола. А у Екатерины имелась величественная предшественница: Елизавета Петровна правила империей более двадцати лет. Последняя, правда, являлась «природной» царицей и «дщерью Петровой» звалась не зря. Дочери же скромного штеттинского губернатора пришлось доказывать свои претензии на власть совершенно иными путями и средствами.

Евгений Тростин

От Фике к императрице

Бескрайняя бездорожная держава по сравнению с тогдашней лоскутной Германией выглядела пустынно. И обычаи мало чем напоминали «просвещенную» Европу. Но юная Фике (в детстве будущую Екатерину Великую называли именно так) быстро поняла, что Россия для заштатной герцогини — единственный шанс занять свое почетное место в истории. Сразу определила, что эта северная империя — страна великих возможностей.

Не случайно цепкость ее ума еще в то время отмечал такой ушлый политик, как Фридрих II, король прусский. При этом Софью Фредерику пригласили в Россию всего лишь на роль невесты возможного наследника престола — не более того. Жили они бедно. Деньги на дорогу прислала русская императрица. Но Фике уже в ту пору видела себя в ряду тех, кто перекраивает карту мира, вершит судьбы. Ее любимой книгой были Плутарховы жизнеописания великих и знаменитых людей, а равнялась она на Юлия Цезаря. Страсть к чтению (и писательству) не угаснет в ней и на троне.

С первых дней пребывания в Петербурге молодая европейка впитывала дух и традиции огромной, во многом непонятной для нее страны, разительно отличавшейся от тесной Германщины. Как-то раз, когда она тяжело заболела, мать хотела прислать к ней пастора. Фике решительно отказалась, потребовала к себе православного священника — архимандрита Симона (Тодорского), учившего ее основам русской веры. Новые соотечественники высоко оценили этот жест.

Екатерина изучала наши древности, читала Остромирово Евангелие, интересовалась жизнью святых — Сергия Радонежского, Александра Невского, очень тепло относилась к своему духовнику отцу Иоанну. Хотя от иерархов церкви политически не зависела и в свой черед провела секуляризацию монастырских земель — считала это полезным для государства.

Петербургский двор дал ей жесткое воспитание. Когда умер отец Екатерины, царственная Елизавета строго наказала: «Великой княгине не подобает долго оплакивать родителя, который не был королем». И после каждой неудачи неумолимый голос провидения как бы одергивал: «Знай свое место!» Но всякий раз она находила в себе силы и побеждала.

Уйма иностранцев «понаехала» к нам в постпетровские годы. Многие стали видными вельможами, са-

«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА С ПАЖОМ», 1756

новниками. Однако мало кто сумел так полюбить и понять Россию, как Екатерина. Она не просто шутила, когда говорила лекарю: «Ну, братец, выпускай из меня всю немецкую кровь, чтобы одна русская осталась». О себе же рассуждала: «Я годна только для России». Изучала историю Руси и даже видела себя прямым потомком Рюрика. У прислуги научилась народным выражениям, пословицам, часто вворачивала их в разговорах. Язык второй Родины ее пленил. В письмах к Вольтеру бывшая немка выражала философу искреннее сочувствие: мол, при редком богатстве мыслей ему приходится пользоваться не русским, а французским.

Никогда не тосковала по Германии, а нашу державу объездила не раз, поклонилась древним монастырским святыням, увидела Казань и Астрахань, Крым и Новороссию... Ее путешествия сплывали страну.

«Русский народ отличается догадливостью, умом, силою»

Екатерина пришла к управлению государством благодаря офицерам гвардии, устранившим ее мужа Петра III, который так и не научился не то что думать, но и говорить по-русски. Это владение должно было продолжаться до совершеннолетия сына — Павла Петровича. Именно его, цесаревича, воспитывали для трона. Но когда он повзрослел, оказалось, что матушка столь крепко держит бразды правления в своих нежных руках, что ни о каком воцарении наследника не

могло быть и речи. Екатерина пресекала все его попытки вмешиваться в государственные дела и надолго превратила Павла в гатчинского отшельника. Одного из сыновей цесаревича, будущего императора Александра, она фактически отняла у родителей и воспитала на свой лад. Павел не смог противиться, только затаил обиду.

По-настоящему Россию открыли для нее знатоки и приверженцы народного стиля братья Орловы: показали красоту природы, пьянящую удаль быстрой езды на птицах-тройках, объяснили достоинства боярского костюма... Известный дипломат и мемуарист Федор Головкин считал, что как раз тогда, в первые годы правления, у Екатерины родился тайный план «снова обнародить народ» и поднять русских в их собственных глазах. Государыню коробило, что в Евро-

пе было принято считать наших соплеменников «низшей расой» (к концу ее царствования мало кто решился бы на подобные отождествления). Возродились патриотические устремления и в аристократической среде, которая после смерти Петра переболела галломанией.

Екатерине удалось разбудить Россию, разглядеть и выдвинуть лучших ее представителей. Одно из первых знаковых решений — производство в полковники великовозрастного, уже зарекомендовавшего себя подвигами в годы Семилетней войны Александра Суворова.

Императрица всей душой любила наши пространства, видела в них залог будущего расцвета государства и нации. Отбросив европейский снобизм, по достоинству оценила богатырскую мощь вверенной ей страны, научилась этой силой руководить. Сама стала на-

много сильнее и благодарила за это державу, коей правила 34 года. Екатерина говорила: «Русский народ — особенный народ в целом свете, русский народ отличается догадливостью, умом, силою. Я знаю это по опыту моего царствования. Бог дал русским особенное свойство».

Хвалить громко, порицать вполголоса

Высшее искусство правительницы — верная кадровая политика. Государыня наставляла приближенных: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и прячется где-нибудь в отдалении». Она, как никто иной, умела давать дорогу способным.

Михаил Микешин избрал для петербургского памятника царице удивительно точный сюжет: улыбающаяся Екатерина возвышается над Россией, а вокруг ее пьедестала, у ног Северной Семирамиды, собрались исполины — Петр Румянцев, Григорий Потемкин, Александр Суворов, Гавриил Державин, Александр Безбородко, Иван Бецкой, Василий Чичагов, Алексей Орлов — екатерининские орлы и одна орлица, Екатерина Дашкова. Хотя этот ряд можно было бы и продолжить, вспомнить многих других знаменитых сограждан: просвещенного генерала Александра Бибикова, умершего в разгар борьбы с пугачевщиной, непреклонного и неподкупного генерал-прокурора Сената Александра Вяземского, искусного дипломата Якова Булгакова (ему мы во многом обязаны присоединением Крыма); недооцененного в XIX столетии, но оттого не менее выдающегося — непобедимого адмирала Федора Ушакова; политического гуру Никиту Панина, художников Владимира Боровиковского и Дмитрия Левичского, драматурга Дениса Фонвизина... Их взаимоотношения с царицей не

«ЕКАТЕРИНА ПИ НА КОНЕ»

были безоблачными, но каждому екатерининская эпоха придала подлинно исторический масштаб. Все вместе они превратили Россию в настоящую империю — с великой армией, первоклассным чиновничеством, с плеядой настоящих патриотов у власти.

Первым среди равных был, конечно же, Потемкин. Его переписка с Екатериной исполнена не столько романтики, сколь простодушия. В раскрепощенной манере они судачили о государственных делах, клялись друг другу в вечной любви, рассказывая о «побочных» амурных увлечениях. Но главным для обоих всегда было служение Отечеству. Поразительно, что им удалось держать фронт от Швеции до Турции без перенапряжения сил. В самые тяжелые месяцы войн под ружьем находилось не более 200 тысяч человек. Поистине побеждали не числом, а умением.

До Екатерины Россия была страной по преимуществу хаотической. Известно высказывание генерал-фельдмаршала, немца на русской службе Христофора Миниха: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует». В этих словах можно увидеть и восхищение, и разочарование: дескать, бессмысленно пытаться упорядочить эдакую громаду. Екатерина II не стала мириться с таким status quo, стремилась поддерживать все здоровое, перспективное, что было в государстве. И в то же время — терпимее относиться к человеческим слабостям-порокам. Репрессий, в отличие от Петра Великого, она старалась избегать. «Я хвалю громко, а порицаю вполголоса», —

говорила императрица. Хотя добиться ее расположения было весьма непросто.

Так или иначе, задуманное ею великое дело сдвинулось. Ожили губернские города, заработали мануфактуры, открылись школы. В стране возникло нормальное судопроизводство, появилась живая и задиристая журналистика. Царица сама принимала участие в дискуссиях на страницах литературных журналов. Отличительной чертой империи стала всеобщая целеустремленность.

Делу время, потехе час

По сравнению с Елизаветой Петровной нрава Екатерина была довольно скромного. Ценила умеренность, хотела, чтобы уважали верховную власть не из-за роскошных нарядов и чертогов. Надеялась, что вспоминать ее станут как труженицу и собеседницу философов. «Не хочу коленопреклонений: между друзьями

так не водится. Если Вы меня полюбили, то прошу Вас, не обращайтесь со мною, как будто я персидский шах», — таково было кредо этой ни на кого не похожей правительницы.

По меркам того времени, в ней не было самодурства. Она не любила варварских забав с шутами и грандиозными фейерверками. «Золотой век Екатерины» ныне представляется как сплошное празднество и непомерное расточительство в барочном стиле. Однако государыня вела вовсе не праздную жизнь, лучшим развлечением считала непринужденный разговор с остроумными собеседниками. Нередко — за карточной игрой. Такие дискуссии помогали познавать людей. Екатерина не поощряла лесть. Другое дело — утонченные комплименты, сдобренные юмором.

XVIII век требовал отточенного рационализма и уважения к наукам, в том числе медицине. «Свой» прежде рассказывал в одном из номеров, как императрица первой в России сделала себе прививку от оспы.

Готовность пожертвовать собой ради прогресса сочеталась в этой сильной женщине с умением трудиться системно, педантично, выдерживая сложившийся распорядок. По утрам анализировала затребованные документы, наслаждаясь первыми глотками кофе. Доклады секретарей и министров частенько выслушивала за вязанием или вышиванием. И в продолжение дня работу чередовала с развлечением, пассивным отдыхом — это помогало сохранять эффективность, необходимую трудоотдачу.

«Ни одна пушка в Европе без соизволения нашего выстрелить не могла»

В советские времена ее было принято клеймить за крепостное право, подавление пугачевского восстания, череду фаворитов, лицемерие, коварство... В обвинительном перечне есть некоторые зерна правды. Тем не менее у писателей и историков во все времена прорывалось вольное или невольное уважение к знаменитой правительнице. У великой эпохи неизбежно отыщется трагическая, а порой и неприглядная изнанка. Однако история не знает безупречных времен, а из XXI века достижения «премудрой Фелицы» видны яснее, четче.

Выдающиеся полководцы, ее современники, относились к ней как к матушке, олицетворению образа России, и от этого их рвение удесятерилось. Ей удалось сплотить воинскую элиту, честолюбивых, часто обидчивых людей — тех самых «екатерининских орлов». Гавриил Державин этот период в жизни страны воспел в своем вдохновенном гимне:

*Гром Победы, раздавайся,
Веселись, храбрый Росс!
...Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!*

Россия действительно переживала время великих побед, а таковых вопреки решениям высшего руководства просто-напросто не бывает. Кагул, Очаков, Измаил, Крым, губернская и прочие административные реформы — почти все далось малой кровью. Похудела казна? Зато освоение новых земель превратило Россию в аграрную и морскую сверхдержаву.

Батальные и внешнеполитические триумфы вселяли гордость в сердца подданных. Рулевой российской дипломатии Безбородко говаривал: «Не знаю, как при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без соизволения нашего выстрелить не могла». Конечно, вельможа несколько преувеличивал, однако, по сути, был прав. Ведь еще в 1781 году он же набросал для императрицы «Инвентарь ее деяний за девятнадцать лет царствования», согласно которому губерний по новому образцу создано 29, городов построено — 144, конвенций и трактатов заключено — 30, военных побед одержано — 78, прогрессивных постановлений издано — 88, указов для облегчения жизни народа — 123. А сколько было сделано после составления «инвентаря»!

Давно выглядят беспочвенными все попытки представить эпоху рассудительной правительницы в остро критическом либо карикатурном духе. Екатерина стала одним из символов русской истории, особенно ее триумфальных страниц. Образ великой императрицы неизменно притягивает — как барочная громада Смольного собора, неувядаемые, мощные эпитеты старинных од и гимнов, как блеск суворовской шпаги, разящей любого врага России.

В. БОРОВИКОВСКИЙ, «ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ II»

Наш Крым

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ГАВРИШАК/ТАСС

Фрагмент диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года»
в Музее героической обороны и освобождения Севастополя

Гремело грозное «Ура!», шумело море в час прибою

Валерий Шамбаров

Три четверти века назад в результате «третьего сталинского удара» Россия вернула себе прежде захваченный врагами Крым.

ЕГО ВАЖНЕЙШЕЕ стратегическое положение — помимо всех прочих преимуществ — известно с древних времен: кто владеет этими землями, тот контролирует Черное и Азовское моря. В XVIII веке за обладание полуостровом велась упорная борьба между Российской и Османской империями. Позже, в середине XIX столетия, его тщетно пыталась отобрать у нашей страны коалиция сильнейших держав той эпохи.

В 1918 году в Крым вторглись германские интервенты, а их турецкие союзники возрадовались — думали, что им вернут давно утраченные владения. Тогда в окружении кайзера Вильгельма II рассудили иначе, не стали вручать османам бесценный приз, решив создать на Черном море немецкую колонию, а вскоре Германия потерпела военную и политическую катастрофу.

В 1919-м на Версальской конференции, занимавшейся переделом мира, по инициативе президента США Вудро Вильсона было решено передать полуостров как бы претендовавшей на «незалежность» Украине. В 1954-м Никита Хрущев фактически выполнил то решение Версаля, и о причинах данного шага споры идут до сих пор...

В период Великой Отечественной значение полуострова было столь же велико. Полные трагизма, свидетельств массового самопожертвования страницы вписали в историю оборона Севастополя, отчаянные операции по его деблокаде. Гитлеровцы осваивались здесь прочно, полагали, что навсегда. Им служили коллаборационисты, получившие некоторые льготы и возможность формировать части карателей (9 батальонов и ряд подразделений общей численностью до 20 000.) Впрочем, последних не информировали о том, что по планам нацистов полуостров подлежал германизации — в будущем, в случае полной и окончательной победы Рейха, пособников-иноземников ждала поголовная депортация. Или ликвидация...

После Сталинграда острая необходимость удержать Крым заботила уже фюрера. Срочно ремонтировались старые советские укрепления на перешейках и обводах Севастополя, возводились новые. Положение оккупантов ухудшалось. В октябре 1943-го наши войска освободили Тамань, вышли к Керченскому проливу. 4-й Украинский фронт под командованием генерала Федора Толбухина прорвал вражескую оборону под Мелитополем, и в эту брешь вошла подвижная группа «Буря» из 19-го танкового корпуса, кубанских казаков и пехоты. Крым отсекали от основных германских сил, с которыми сообщение осталось лишь по морю и по воздуху.

Танковые и кавалерийские части Красной армии с ходу овладели укреплениями Турецкого вала,

Маршал А. Василевский и командующий 4-м Украинским фронтом Ф. Толбухин. Крым, 1944

Советские солдаты салютуют в честь освобождения Севастополя. 9 мая 1944 года

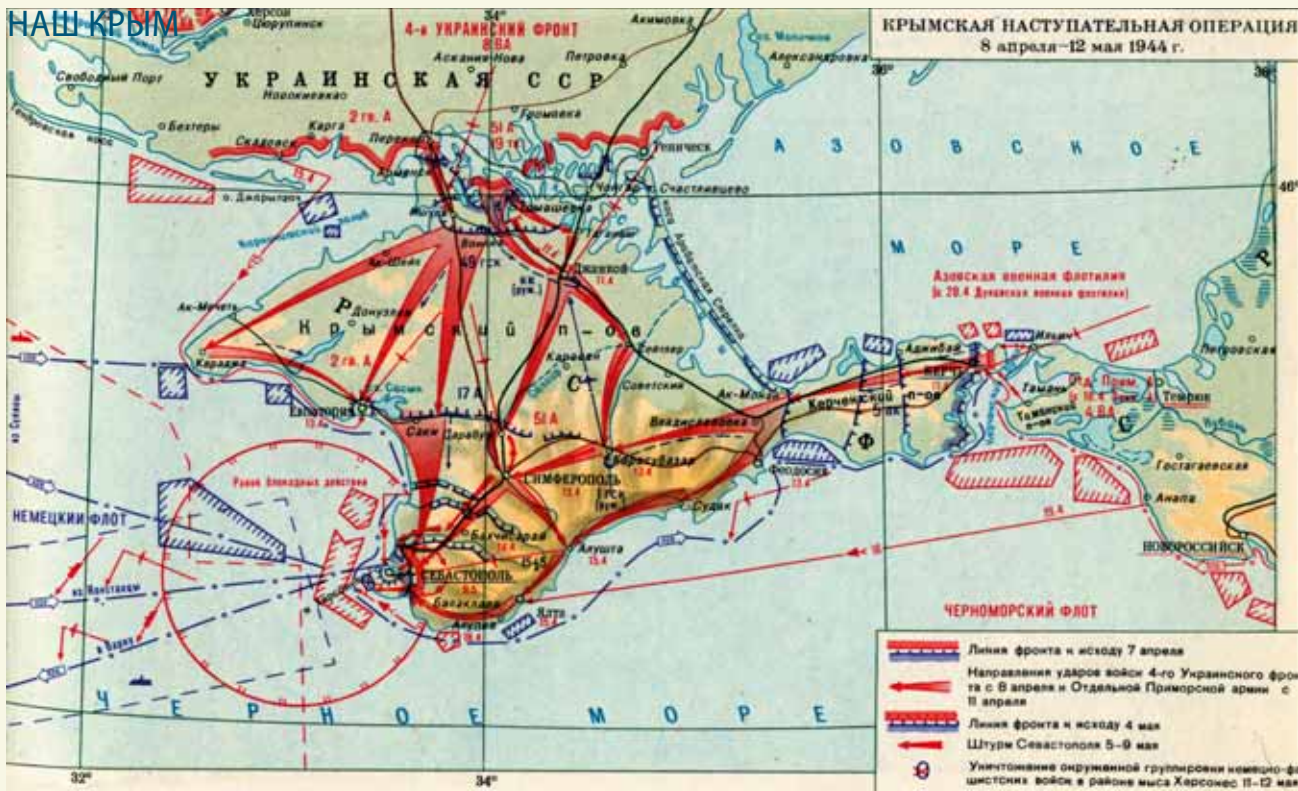

ФОТО: РИА НОВОСТИ

пробились на Перекопский перешеек. 10-й стрелковый корпус генерала Константина Неверова форсировал Сиваш, захватил ключевой плацдарм. Неприятель опомнился, бросил навстречу крупные силы. Танкисты и казаки на Перекопе оказались в окружении, отстреливались последними снарядами и патронами и все же оба плацдарма сумели удержать — помогла высадка русских десантов под Керчью. Враги задержались, стали перебрасывать туда резервы. А у нас там появился еще один плацдарм.

Командующий запертой в Крыму 17-й армией генерал Эрвин Йенеке запрашивал об эвакуации. Того же мнения придерживались другие

нацистские военачальники, а также румынский диктатор Ион Антонеску. Гитлер их предложения отверг. Он надеялся наладить военные коммуникации полуострова с Кавказом, где продолжала активную партизанскую и террористическую деятельность «Национал-социалистическая партия северокавказских братьев». К тому же немецкая авиация, благодаря крымским аэродромам, блокировала действия нашего Черноморского флота. Оставляя эти базы, гитлеровцы уступили бы советским кораблям и самолетам господство на море, открыв тем самым берега других государств. Фюрер не без оснований опасался отпадения союзников — Румынии

и Болгарии. Турция формально сохраняла нейтралитет, но состояла в статусе наблюдателя в Антикоминтерновском пакте и подыгрывала нацистам: закрыла проливы для антигитлеровской коалиции, пропуская суда Германии и ее сателлитов. Жизненно важными являлись поставки турецкой хромовой руды — прекратись они, и немецкая военная промышленность через год остановилась бы. Гитлер боялся, что после потери Крыма Турция переместится в противоположный лагерь (что она и сделала в августе 1944-го).

Борьба за полуостров приобрела особенное стратегическое и геополитическое значение. Сюда советское командование перебрасывало серьезные подкрепления, планируя пробить дорогу в Крым с Никопольского плацдарма, который немцы удерживали на левом берегу Днепра. Гросс-адмирал Карл Дениц пообещал: в критической ситуации 17-ю армию, состоявшую из 5 германских и 7 румынских дивизий, примерно 200 000 солдат, 3600 орудий, 215 танков, сможет эвакуировать флот. Цифры приведены без учета полицейских формирований из крымских пособников — тех нацисты считали ненадежными, на передовую не посылали.

Руководство СССР применило в 1944 году стратегию, получившую позже название «Десять сталинских ударов», — это попеременное сосредоточение войск и наступательных действий то на одном, то на другом участке.

В феврале в ходе «второго удара» была разгромлена под Никополем группировка германцев, и их надежда деблокировать полуостров рухнула. Теперь можно было штурмовать его без особых помех. У перешейков развернулся 4-й Украинский фронт Толбухина. 16

марта Сталин подписал приказ об операции по освобождению Крыма (по знаменательному совпадению в этот же день, 70 лет спустя, состоялся референдум о воссоединении его с Россией).

«Третий сталинский удар» начал 26 марта 3-й Украинский фронт генерала Родиона Малиновского, опрокинувший противника на Буге и вышедший к Одессе, окружая и прижимая немцев с румынами к морю. К Крымской операции это имело самое прямое отношение. Превосходство русских не было подавляющим: 470 000 бойцов, около 6000 орудий, 559 танков и САУ. Враг выстроил мощнейшую оборону из 3–4 полос, в каждой — несколько линий траншей, долговременные огневые укрепления. Отбиваться могли бы долго. Однако у Йенеке в Крыму было лишь 150 самолетов, остальные силы люфтваффе поддерживали из-за линии фронта, им теперь приходилось летать из Румынии.

С нашей стороны к штурму готовились две воздушные армии, авиачасти Черноморского флота, привлекалась и Дальняя авиация (соответственно — 1250, 400 и 500 самолетов). Господство в воздухе, таким образом, обеспечивалось полное. Морская эвакуация с потерей Одессы становилась для нацистов крайне проблематичной.

4-му Украинскому и Отдельной Приморской армии, готовившим удары с севера и востока, ставилась задача не просто разгромить противника, а полностью его уничтожить. Для общего руководства и координации действий Ставка прислала маршалов Климента Ворошилова и Александра Василевского, одного из самых талантливых советских полководцев.

Немцев удалось обмануть. Наши авиация и тяжелая артиллерия заранее обрабатывали укрепления на Перекопе, внушали: главный прорыв намечается именно здесь. Хотя он готовился с Сивашского плацдарма. Саперы построили в этом районе дамбы, навели через «гнилое море» мосты, в тяжелейших условиях сумели замаскировать 19-й танковый корпус и другие части.

7 апреля провели разведку боем, а на следующее утро на северном направлении силами 4-го Украинского фронта начали мощный артобстрел. Бои были крайне ожесточенными. Йенеке все же разгадал, что главный удар русские решили нанести на Сиваше, бросил туда резервы. В первые дни оборону фашистов буквально прогрызали, брали в день по 1–2 траншеи. Противник то и дело контратаковал. Очаги наиболее ожесточенного сопротивления постепенно подавлялись авиацией и артиллерией. Нащупывались слабые места во вражеских боевых порядках, 10 апреля получилось их взломать.

Генералу Йенеке разрешили отводить войска к Севастополю. Полетели приказы о тотальном разрушении крымских городов, коммуникаций, предприятий, курортов. Но войска Отдельной Приморской армии генерала Андрея Еременко, заметив, что начался отход врага, в ночь на 11 апреля тоже перешли в наступление. И освободили Керчь. Толбухин ввел в бой свою основную ударную силу — 19-й танковый корпус. То, что последний находился на Сивашском плацдарме, стало для немцев полнейшей неожиданностью — думали, что он остался за Перекопом.

Подвижная группа из танкистов, двух полков пехоты на грузовиках и артиллерийской бригады помчалась на Джанкой и Симферополь, где располагались штабы, узлы связи и склады противника, узлы основных дорог. Немцы и румыны переполошились, еще сражавшиеся на Перекопском перешейке и Керченском полуострове группировки стали спешно отходить, чтобы их не окружили. Дралась остервенело, кидались в контратаки, срывали зло на мирных жителях. Так, 98-я германская дивизия устроила бойню в Старом Крыму, фашисты прочесывали дома, убивали всех, кого нашли (584 человека). Выполнить план по тотальному разрушению им не позволили. Наши воины гнали их, сбивая заслоны, давили отступавшие колонны танками, авиация утюжила порты в Феодосии, Судаке, Евпатории, срывая морские перевозки. Громить оккупантов вышли и 4000 крымских партизан.

Последовала эвакуация тыловых учреждений, предателей и карателей из Севастополя. Немцы и коллаборационисты силой забирали с собой местных жителей, размещали на палубах плавсредств, заставляя при появлении советских самолетов махать полотенцами, а матерей — поднимать над собой детей.

Вывозить боевые части Гитлер запретил (вполне обоснованно, это обернулось бы бегством), те занимали

укрепления вокруг города. 15 апреля к Севастополю вышли наши передовые отряды, но они оказались ослаблены, растянулись на марше, израсходовали боеприпасы и были остановлены шквальным огнем. Советское командование собирало свежие силы, предпринимало новые штурмы. И опять значительных успехов добиться не удалось. Гитлер даже вспоминал по этому поводу, как русские в гораздо худших условиях 250 дней обороняли город, продолжал надеяться, что германцы удержат оборону. Пытавшийся доказать обратное Йенеке был снят с должности, заменен генералом Карлом Альмендингером, потребовавшим удерживать «каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп».

Василевский, Ворошилов и Толбухин тем временем готовили решающий штурм, собрали к Севастополю всю артиллерию. 5 мая при поддержке ураганного огня и непрерывных атак авиации наши части ринулись на приступ с севера, у Мекензиевых гор. Оборону снова не прорвали, но ввели врага в заблуждение, симитировав главный удар. В действительности он был нанесен 7 мая с юга, где наши войска сосредоточили свыше 200 орудий на километр фронта, львиную долю своих гвардейских минометов. Быстрого прорыва, однако, вновь не последовало. Самая суровая битва кипела под Сапун-горой: сходились в рукопашных, траншеи переходили из рук в руки, на атаковавших лился шквальный огонь из десятков дотов и дзотов. К вечеру эту гору — ключ всей обороны неприятеля — взяли. Фашисты стали отходить, пытаясь зацепиться на запасных рубежах, улицах.

9 мая германские войска получили разрешение эвакуироваться. В этот день — впоследствии он станет для России священным — Севастополь был освобожден. Немцы с румынами — более 50 тысяч — откатывались к мысу Херсонес и все еще отбивались с отчаянием обреченных. Корабли, которых хватило бы на 87 000 человек, адмирал Дениц приказал вывести в море. Эвакуацию сорвали советские подводные лодки, торпедные катера, самолеты. Расположение врага простреливала артиллерия, накрывая последний аэродром. Усугубились разброд, паника, интервенты дрались за места на судах, а те топила наша авиация. Видя, как уходят под воду переполненные баржи, оставшиеся на берегу грузиться на плавсредства решительно отказывались.

В ночь на 12 мая части Красной армии пошли в атаку, и скоро все было кончено. Уцелевшие вражеские солдаты и офицеры сдались. 17-я германская армия была уничтожена, потеряла около 140 000 человек, из них 61 000 оказалась в плену.

Эта победа далась России не дешево: пали 17 000 советских воинов, 67 000 получили ранения. Ценой их пролитой крови и отданных за Родину жизнью Крым снова стал нашим, а Черное море — русским.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Помнит Вену, помнит Альпы и Дунай

Валерий Бурт

Настоящих фронтовиков Великой Отечественной осталось, увы, совсем немного. Героев Советского Союза среди них и вовсе горстка, Сергей Никитич Решетов — из этой славной плеяды. Он прошел боевой путь от предгорий Кавказа до Альпийских гор. Не избежал ранений.

Прошлое и сейчас часто напоминает о себе 96-летнему ветерану. Война — это навечно, как сидящий глубоко внутри вражеский осколок.

СВОЙ: У поэтессы Юлии Друниной есть стихотворение из четырех пылающих строк: «Я только раз видала рукопашный, / Раз — наяву и сотни раз во сне. / Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне». Согласны с этими словами?

Решетов: Не бывает абсолютно бесстрашных людей. Любому человеку присуще чувство самосохранения, которое и выражается в опасении за свою жизнь. Но одни, сильные, могут преодолеть страх, другие, слабовольные, это сделать не в состоянии, и тогда страх переходит в трусость, граничащую с предательством.

28 июля 1942 года Сталин подписал известный приказ № 227, который назвали «Ни шагу назад!». Документ предусматривал и создание заградительных отрядов. К сожалению, распространено мнение, что те отряды расстреливали отступавших с переднего края людей. Это не соответствует действительности. Говорю с полной ответственностью, поскольку наш батальон автоматчиков, находясь в резерве командира бригады, выполнял роль заградотряда.

Помню, как мы с огромным трудом, понеся значительные потери, выбили немцев с важной высоты. Комбат приказал мне, в то время командиру роты, удерживать ее любой ценой, а сам с двумя ротами ушел на другой участок. Немцы, опомнившись, решили вернуть высоту, обработав нас артиллерийским огнем, пошли в атаку.

И тут я увидел, как несколько солдат выскочили из окопов и побежали в мою сторону. Еще не зная, что предприиму, вылез из укрытия и пошел им навстречу, пытался кричать что-то вроде «назад!», но мой голос тонул в грохоте боя. Когда подбежал ко мне первый солдат, я ударил его прикладом и свалил на землю. Гаркнув, что есть силы: «Ложись, расстреляю!» — дал очередь из автомата поверх голов бегущих. Вид, наверное, у меня был решительный. Люди остановились, попадали на землю. Появилась уверенность в том, что назад уже никто не побежит. Так и произошло. Страх был подавлен. Все, кто покинул окопы, возвратились туда и вступили в бой. Высоту мы отстояли.

СВОЙ: *Вам самому довелось испытать страх?*

Решетов: В конце декабря 1944-го оказался в глубоком тылу противника, и мне нужно было выйти в расположение югославских партизан. Предстояло перейти шоссейную и железную дороги, которые охранялись.

Целый день с небольшой возвышенности наблюдал за ними, а около полуночи двинулся в путь. Идти пришлось открытым полем, на котором стояли кукурузные снопы. Шел медленно, осторожно. До дороги оставалось метров пятьдесят, и тут, выйдя из-за очередной копны, в нескольких метрах от себя увидел окоп, а из него торчал ствол пулемета. Шапку и волосы под ней волной страха буквально вздыбило.

Мелькнула мысль: немцы заснули, нужно отбросить подальше пулемет и бежать прочь. Я бросился к окопу, ухватился за торчащее оттуда «оружие» и обомлел — в руках оказалась обыкновенная коряга, в темноте показавшаяся стволом. Рядом прошли по дороге патрульные, о чем-то переговариваясь...

Через несколько минут я вылез из окопа, перешел шоссе и железнодорожное полотно одноколейки. И понял, что могу добраться до своих.

СВОЙ: *Мы слишком быстро окунулись в гущу военных событий. Расскажите немного о предвоенной поре. Вы ведь мечтали стать моряком, отпра-*

вили документы в Каспийское военно-морское училище, в Баку...

Решетов: Родом я из деревни Лешенки Кардымовского района Смоленской области. В 1940-м окончил среднюю школу, поступил в педагогический институт. Но так как отменили стипендии, пришлось пойти работать учителем начальных классов. Хотя мечтал стать моряком, при том, что ни моря, ни кораблей никогда не видел.

За два дня до начала Великой Отечественной получил вызов из училища. Оставалось лишь оформить в военкомате проездные документы и отправляться к месту учебы.

22 июня уже было не до того: началась мобилизация. Лишь 5 июля мне удалось получить необходимые бумаги. Быстро собрал нехитрые вещички, попрощался с родителями и зашагал к железнодорожной станции.

Шел, не оглядываясь, размышляя о том, что ждет впереди. И вдруг что-то заставило оглянуться. Метрах в ста от меня шла моя мама. Сердце защемило от горечи расставания, на глаза набегали слезы...

Долго добирался до Ростова-на-Дону. Оттуда путь лежал в Баку. 14 июля прибыл в военно-морское училище, куда так стремился, оно находилось в поселке Зых, на берегу Каспийского моря.

Вместо экзаменов меня и других абитуриентов отправили на строительство училищных объектов. Было

тяжело. Трудились на сорокаградусной жаре. Тех, кто ленился, не придерживался дисциплины, немедленно отчисляли. Но я старался изо всех сил, и через две недели старшина объявил, что меня переводят в роту постоянного состава. Так я стал курсантом.

К тому времени Смоленск и его окрестности уже захватили немцы. На оккупированной территории остались мать, отец и пять моих старших сестер со своими детьми. Писать было некуда и некому...

СВОЙ: *На войну Вы отправились осенью 1942-го со второго курса училища. Однако — на сухопутный фронт. Почему так произошло?*

Решетов: С 1 октября 1941-го мы стали изучать устав, военно-морские науки, занимались строевой подготовкой. Программа тогда была рассчитана на четыре года. Но в один из августовских дней 1942-го в училище прибыли офицеры и начали отбор добровольцев на фронт. Идти на войну готовы были все, однако из трехсот курсантов отобрали сто человек. Среди них оказался и я.

На базе находившихся в Баку военных училищ — армейских и морских — была сформирована 34-я отдельная стрелковая бригада. Мы облачились в полевую форму, хотя тельняшки, флотские ремни и ленточки от бескозырок нам оставили.

СВОЙ: *Враг наступал на Дону, рвался к Сталинграду, вторгся на Кавказ, готовился захватить Крым. Наверняка Вы понимали, что скоро придется идти в бой...*

Решетов: Мы разместились в селе Верхние Ачалуки на территории Чечено-Ингушской АССР. Уже слышалась артиллерийская канонада. Вскоре немцы прорвались в районе Нальчика, и бригада в полном составе, не успев занять отведенный участок под Моздоком и совершив за сутки многокилометровый переход, заняла оборону на подступах к Орджоникидзе (ныне — Владикавказ). Туда ринулись германские танки.

Стрелковые батальоны расположились вдоль речки Фиагдон между двумя осетинскими селениями. Наш отдельный автоматный батальон находился в резерве командира бригады, близ села Майрамадаг, у входа в Суарское ущелье. Здесь и произошло мое боевое крещение.

На исходе дня 4 ноября наблюдатели доложили, что от шоссеной дороги движется немецкая колонна. Как потом узнали, это был полк «Бранденбург». По цепи передали: «Приготовиться к бою! Без команды не стрелять, подпустить на расстояние 200–250 метров».

Гитлеровцы думали, что в селе красноармейцев нет, беспечные и самоуверенные приближались к нашим позициям, наигрывая на губных гармошках. Мы, затаив дыхание, сидели в укрытиях, впервые видели перед собой чужих солдат — буквально в сотнях метров...

СВОЙ: *До этого Вы никогда не стреляли, не убивали. Конечно, враги причинили много зла и горя, но все же, наверное, нелегко было нажимать на спусковой крючок, зная, что обрываешь чью-то жизнь...*

Автоматчики обороняют горный перевал на Кавказе. 1942

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Решетов: Да, нам, 18–19-летним парням, было непросто пережить этот психологический момент... Прошло несколько тягостных минут, и вот уже колонна противника приблизилась к нашим позициям. Прозвучала команда:

«По фашистским гадам — огонь!» Десятки автоматов резанули одновременно, немцы побежали, оставив убитых. Психологическое напряжение как рукой сняло, и до конца войны оно больше не возникало.

СВОЙ: В известной песне есть слова: «Мне часто снятся все ребята, / Друзья моих военных дней, / Землянка наша в три наката, / Сосна, сгоревшая над ней. / Как будто вновь я вместе с ними / Стою на огненной черте / У незнакомого поселка / На безымянной высоте». Вспоминаете боевых товарищей?

Решетов: Их я никогда не забуду: курсанты Рафаэль Хуцишвили, Ракип Газизов, Леонид Андреев, братья Виктор и Владимир Чететкины, Михаил Расковалов, старшины Николай Громов, Михаил Романенко, сержант Павел Кудреватых... Назвал лишь несколько фа-

милией, но людей, с которыми вместе воевал, было, конечно, на порядки больше. Многие погибли...

Огромную помощь оказывали нам во время боев жители села Майрамадаг. Уйдя от немцев в горы, они готовили и приносили на передовую пищу, боезапас. Увозили в ущелье раненых, где оказывали им медицинскую помощь. В гуще событий находился и наш Гаврош, совсем еще юный Володя Галабаев. Бесстрашно перебегая от окопа к окопу, доставлял нам еду, боеприпасы. Мальчишка был любимцем всей роты.

СВОЙ: На фронте случалось нечто необычное?

Решетов: На Кавказе немцы пошли как-то раз на хитрость. Из зарослей кустарника вышла группа людей, одетых в женские платья. Они катили двухколесные тачки, наполненные разными вещами. Мы подумали, что это местные жители уходят от оккупантов. Но потом заметили: уж очень не по-женски они идут, слишком широко шагают. Среди нас был Валентин Цомаев, который громко окликнул их по-осетински. Ответа не последовало. И тогда кто-то закричал:

«Это немцы, стреляйте!» Грянули автоматные очереди, и «женщины», задрвав подолы юбок, бросились наутек, сверкая подковами немецких сапог. А в брошенных тачках мы нашли автоматы, пулеметы, гранаты.

СВОЙ: Сергей Никитич, куда Вас потом забросила судьба?

Решетов: Участвовал в боях на Ставрополье, Кубани, освобождал город Сталино — ныне Донецк. Дальше боевой путь пролегал через южную Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и закончился в Австрии.

При освобождении столицы Югославии многие советские части и соединения получили названия «Белградских», в том числе и 703-й стрелковый

полк, в котором я тогда служил.

СВОЙ: Вы удостоены высшей награды СССР — звания Героя Советского Союза. Что этому предшествовало?

Решетов: В ноябре 1944-го наш полк получил задачу форсировать Дунай у югославских селений Бездан и Батина. Попытки первой и второй роты моего батальона переправиться закончились неудачей, почти весь состав героически погиб.

В ночь на 10 ноября десять лодок с десантом из ста человек отошли от берега. Немцы открыли огонь, и до суши добрались только две наши лодки с 16 бойцами. В темноте мы наткнулись на тела погибших накануне товарищей. Малейшая задержка грозила обернуться смертью и для нас.

Совсем рядом, буквально в нескольких шагах, наверху дамбы была вражеская траншея. Но мы дружным напором вытеснили немцев оттуда.

Тем не менее наше положение оставалось тяжелым. Связи со своими не было, патроны на исходе. Спрашиваю, кто готов переплыть реку на лодке и доставить донесение командованию? Старший сержант Василий Ободовский, не раздумывая, вызвался выполнить приказ. Быстро нацарапав в темноте записку: «Захватили траншею, четыре домика, нужен боезапас, помощь», — я отправил сержанта. Мы прикрывали его лодку огнем.

К утру Ободовский вернулся с 17 бойцами Народно-освободительной армии Югославии. В предрассветной дымке вместе с ними потеснили немцев и немного расширили плацдарм. В наших руках оказалась прибрежная полоса длиной около ста двадцати метров, глубиной в 35–40 м. На этом рубеже мы начали энергично окапываться, готовились к отражению вражеского наступления.

И оно не заставило себя ждать. В течение дня нам пришлось отбить около десяти атак. Увы, в этом бою погиб Ободовский. Позже он был награжден званием Героя Советского Союза посмертно.

С наступлением темноты саперам удалось навести понтонный мост. На плацдарм переправились 703-й стрелковый полк, другие подразделения нашей дивизии и бригады Народно-освободительной армии Югославии. В ночном бою противник был выбит из села.

СВОЙ: Как Вы узнали о присвоении звания Героя?

Решетов: После ожесточенных битв в Венгрии мы вышли к озеру Балатон, взяли пограничный город Веспрем и вступили на территорию Австрии. За форсирование Дуная все в полку, кроме меня, давно были награждены орденами и медалями...

28 марта 1945 года меня вызвали в штаб полка. Отправился туда в раздумьях, пытался понять, для чего потребовался начальству. Приняв мой доклад о прибытии, командир полка молча протянул телеграмму. Обожгла мысль: что-то случилось с родителями... Начал читать и не поверил своим глазам. В телеграмме на мое имя говорилось: «За ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 24 марта 1945 года присвоил вам звание Героя Советского Союза».

«Поздравляю! — комполка крепко обнял меня и обратился к своему ординарцу. — Налей-ка нам по 100 фронтowych граммов». Выпили, и я вспомнил: «А ведь у меня сегодня день рождения». «Ну так что же ты молчишь! — сказал командир. — Давай, наливай по второй. Этот день надо отметить!» И спросил: «А сколько тебе лет, Сергей?» «Двадцать два». «Да ты совсем молодой, вся жизнь впереди! Что ж, желаю тебе счастья и удачи...»

СВОЙ: Где встретили День Победы?

Решетов: Под Веной. 9 мая в три часа ночи меня разбудил часовой: «Товарищ капитан, немцы!» Я вскочил и услышал громкую стрельбу. Но пули почему-то не свистели над головой, как во время боя. Чувствовалось, что все стреляют вверх.

Послал автоматчика узнать, в чем дело. Он быстро вернулся и радостно закричал: «Ура, немцы капитулировали! Конец войне!» Мы остолбенели, не верилось в реальность свалившейся на нас радости. Когда первая волна ликования схлынула, я отдал команду: «Построиться в одну шеренгу, приготовить оружие!»

С каким же чувством мы дали салют из всех автоматов, выпустили в воздух по целому диску. Стрельба из всех орудий не затихала до самого рассвета. Казалось, что горит все небо до самого горизонта.

P.S. После войны Сергей Решетов окончил Военно-морское училище имени Кирова в Бaku. В 1949 году был направлен на Черноморский флот, где прослужил до декабря 1976-го. Ушел в отставку в звании капитана первого ранга. Награжден четырьмя орденами и двадцатью медалями.

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ВИТВИЦКИЙ/РИА НОВОСТИ

Что ни плакат, то факт

«Воин Красной Армии, спаси!», «Бей так: что ни снаряд — то танк!», «Боец, спаси меня от рабства!» — эти плакаты хорошо известны. Во время войны они выпускались огромными тиражами. Автор, художник Виктор Корецкий, работал в технике фотоплаката: использовал черно-белые снимки, как правило, делая красками лишь один акцент. В мае исполняется 110 лет со дня рождения талантливого графика.

Ксения Воротынцева

ПЛАКАТ не сразу получил признание в художественной среде: в эпоху становления массовых коммуникаций листовки выполняли прежде всего утилитарную функцию. Они мгновенно доносили до широкой аудитории новые лозунги и директивы. Впрочем, отечественные авангардисты, относившиеся к жизнестроительству как к искусству, привнесли в плакат эстетический компонент. Новому строю — новую культуру: творчеством на стыке с агитацией занимались многие видные мастера, от Александра Родченко до Эль Лисицкого. Неудивительно, что и молодого Корецкого целиком захватил популярный жанр.

Будущий мастер, появившийся на свет в Киеве, получил художественное образование в Москве. В 1922–1929 годах учился в средней изобразительной школе. Поначалу мечтал о живописи. Однако с 1931-го с головой окунулся в плакат и за мольберт вернулся только в последние годы жизни. Первые профессиональные шаги сделал в

ФОТО: НИКОЛАЙ АКИМОВ/ТАСС

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Огизе и в Изогизе. Писал о том времени: «Я вспоминаю добром первого заведующего плакатной редакцией Изогиза Н. М. Яковлева, человека одержимого, и ту атмосферу, которая была в маленькой комнате редакции на Цветном бульваре, 25. Приходили уже знаменитые в то время художники — консультанты редакции А. Дейнека, А. Пластов, Ю. Пименов. Собиралась и совсем зеленая молодежь, становилось шумно, людно. Рождались шутки, как мяч пускалось острое словцо, ненавязчиво звучали доброжелательный дружеский совет и критика. А потом собирался художественный совет под руководством Дмитрия Стахеевича Моора. Моор и Дени были нашим знаменем, их труд вдохновлял молодежь».

Огромное влияние на Корецкого оказал Густав Клуцис — создатель лаконичных фотомонтажей, певец Октября, активно участвовавший в революционном перевороте и даже охранявший Ленина в Смольном. Клуцис, как многие современники, мыслил масштабно: в частности, оформлял площадь Свердлова к 1 мая в 1932 году. Вплоть до середины 1930-х работал в рамках конструктивизма, позже создавал реалистические изображения. Корецкий в воспоминаниях «Товарищ плакат. Опыт, размышления», выпущенных в 1977 году, спорил с латышским автором о противопоставлении фотомонтажа «всем другим изобразительным формам», но при этом восхищался творениями коллеги. Виктор Борисович отмечал: «Один из первых политических плакатов Г. Клуциса — «Выполним план великих работ» (1930) — вошел в золотой фонд советского плаката».

Еще одним источником вдохновения для Корецкого стали творения художника Джона Хартфилда (псевдоним Хельмута Херцфельда). Немецкий мастер стал писать имя на английский манер в 1915 году, в разгар антибританской кампании Германии, выразив тем самым антивоенные взгляды. Мечтавший стать художником, он отдал предпочтение политическому фотомонтажу — на фоне бурного развития кино и фотографии. Выступал с антимилитаристских пози-

ций, подобно братьям-дадаистам, проявил себя как яркий противник фашизма. В 1931–1932 годах жил в Советском Союзе. Потом работал в Праге, Лондоне и только в 1950-м переехал в ГДР. Хорошо знал творчество Татлина и других конструктивистов, но сам в первую очередь ценил не эстетический, а социальный потенциал плакатов. Его творения — где голова Гитлера «скрещивалась», например, с телом обезьяны — носили сатирический характер. Корецкий писал об иностранном коллеге: «Вспомним, например, плакат Хартфилда «Война и трупы — последняя надежда богатых». В его основе документальный кадр — убитые солдаты и среди них — изображение гиены. Как будто все естественно, и монтажа, как такового, не чувствуется. Но Хартфилд надевает на голову гиены цилиндр, а на шею ей вешает высший германский орден, учрежденный еще Фридрихом Вторым, — «За доблесть» (на плакате он превращен в награду «За прибыль»). Здесь нет иллюзорности, нет желания обмануть зрителей в том, что гиена была снята в таком виде. Наоборот, этим приемом, этой нарочитой абсурдностью Хартфилд подчеркивает мысль плаката. На таком же фотомонтажном принципе основана его работа «Портрет фашизма». Художник применяет здесь тот же прием: на фигуру человека в галстук и белом воротничке насажена голова тигра с оскаленной пастью».

Сам Виктор Корецкий работал отнюдь не в сатирическом ключе: его плакаты, особенно военных лет, отличал героический пафос. Именно в период Великой Отечественной были созданы вещи, прославившие Корецкого. Мастер вместе с коллегами Алексеем Кокорекиным и Николаем Долгоруковым взял шефство над авиационным полком на Смоленщине. Как фронтовой худож-

ник создавал стенгазеты, рисовал портреты летчиков и солдат и, конечно, делал плакаты. Он вспоминал: «Первые налеты вражеской авиации на Москву, дежурства по Красному Кресту, участие в противовоздушной обороне. Бедствия войны, страдания народа,

его мужество в борьбе с врагом — эти темы требовали эмоционального воплощения в агитационном искусстве. В плакате «Не уйди врагу от расплаты!» я стремился решить трагическую тему войны в образах женщины и ребенка. К этой теме и к этим образам я неоднократно возвращался впоследствии.

...По грязной дороге идут фашисты, только что учинившие жестокую расправу над жителями деревни. Молодая женщина лежит на обочине, рядом плачет сиротевшая девочка. Мне казалось, что ее маленькая, вздрагивающая от рыданий фигурка не может не убедить — враг должен расплатиться за свои зверства. Эта тема нашла дальнейшее развитие в таких плакатах, как «Смерть детоубийцам!», «Боец, спаси меня от рабства!» и других».

В 1942 году был напечатан, пожалуй, самый знаменитый плакат Корецкого — «Воин Красной Армии, спаси!». В воспоминаниях мастер подробно рассказал о поиске образа: «Тема плаката определилась для меня сразу, — ее выдвигала сама жизнь. Плакат создавался в напряженное время, когда враг рвался к Волге и все человечество было потрясено беспримерным героизмом

несгибаемых защитников Сталинграда.

Работая над эскизами к этому плакату, я прежде всего стремился отказаться от всего лишнего, случайного, риторического. В первом варианте плаката была изображена женщина, заслонившая своим телом детей от направленного на них штыка. На фоне плаката — языки пламени. Во втором варианте — женщина, держащая на руках ребенка, гневно поднимала кулак против фашистов. На фоне листа были изображены горящие избы. Однако и тот и другой варианты меня не удовлетворяли, ибо в образах не было должной психологиче-

ской остроты и обобщающей силы. Хотелось сконцентрировать внимание зрителя на лицах женщины и прижавшегося к ее груди мальчика. Необходимо было добиться такой выразительности глаз матери, чтобы зритель мог прочесть в них и презрение и ненависть к врагу. Эти же чувства я старался отразить и в глазах ребенка. Его взгляд должен был дополнять взгляд матери. Думалось, что мать и ребенок должны были смотреть не на окровавленный штык, на врага... Я был очень рад, увидев свой плакат 5 августа 1942 года в «Правде». Затем он производился на многочисленных

листовках, открытках, на обложках журналов, конвертах. В общем тираж его составил свыше 10 миллионов экземпляров».

Творение Корецкого нашло отклик у огромного числа людей — на фронте и в тылу. Художнику шли письма, авторы которых рассказывали, что «Воин Красной Армии, спаси!» и другие работы поддерживали их в трудные минуты, не давали упасть духом. Так, капитан гвардии Иван Кузьменко написал в «Правду»: «...мне пришлось побывать в окопах, блиндажах... Везде я видел ваш плакат.

...1 сентября 1942 года под моим руководством из грозного оружия, которое нам доверила Родина, мы уничтожили несколько сот гитлеровцев. Команды подавались в этот день следующие: «За маленьких детей по фрицам — залп — огонь!», «За жен, замученных немцами, — по фрицам — залп — огонь!». Ваш плакат усиливает ненависть к немецким оккупантам».

Знаменитой стала серия Корецкого «Бей так...»: «Бей так: что ни снаряд — то танк!», «Бей так: что ни патрон — то враг!». О последнем листе художник писал: «...я отверг первоначальный замысел изобразить лежащего в снегу красноармейца и убитых им фашистов.

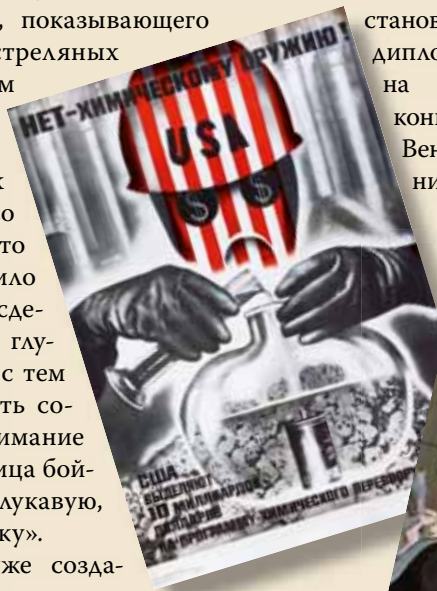

Отказавшись от натуралистической трактовки, решил использовать ассоциативный прием. На первом плане поместил молодого, улыбающегося бойца в белом зимнем маскхалате, показывающего зрителю семь стреляных гильз. На втором плане — семь могильных крестов, на которых висят каски со свастикой. Все это как бы расширило смысл плаката, сделало его более глубоким и вместе с тем дало возможность сосредоточить внимание на выражении лица бойца, показать его лукавую, задорную усмешку».

Художник также создавал листовки, которые распространялись среди немецких солдат, чтобы подорвать боевой дух захватчиков. Одним из самых известных творений стал плакат «Я больше не могу!». На нем изображен солдат гитлеровской армии, шедший в отчаянном крике, разрывающий одежду. Под ногами — разбитая фашистская техника. Корецкий признавался, что использовал здесь обратную перспективу — для усиления эффекта.

Постепенно, как вспоминал сам мастер, трагическая тема стала уходить из плаката. На смену при-

шли жизнеутверждающие образы. Примером может послужить работа «О счастья наших матерей заболит страна!». В мажорном ключе выполнен и лист «Восстановим!», получивший диплом первой степени на Международном конкурсе плаката в Вене в 1948-м. Художник изобразил энергичного

плотника: стружка из-под рубанка образует слово «клятва», вынесенное в название. Еще одной удачей стал плакат «Мы требуем мира!».

В послевоенные годы тема труда стала одной из главных в агитационном искусстве. Корецкий, в частности, создал плакаты «Борись за честь фабричной марки» и «Многим, видно, невдомек, что дает наш уголек». Откликнулся на

покорение космоса: «Страна рабочих и крестьян штурмует звездный океан!». Впрочем, военная тематика не исчезла из его произведений. Об этом свидетельствует знаменитая «Партизанская колыбельная», где изображен младенец, висящий в «люльке» из пулеметных лент. Работа имела большой успех и в итоге была приобретена Дрезденской галереей. Антимилитаристский характер носили листы художника, направленные против нейтронной бомбы: «НЕТ! нейтронному оружию», «Шабаш бомбопоклонников», «Хиросима не должна повториться!». Как и плакаты времен Великой Отечественной, эти творения лаконичны и выразительны: мастер нередко отдает предпочтение монохromу или использует минимум цвета.

Последние годы — а Корецкий умер в 1998-м — мастер находился в забвении. Жанр, которому он отдал столько лет, оказался на периферии художественной жизни. Казалось бы, этому можно найти объяснение: плакат — вещь сиюминутная, мгновенная реакция на проблему или событие. Автор говорил: «Плакат — это выстрел в нужный момент, иначе он превращается в анахронизм». Однако талантливые произведения переживают свое время и своих творцов. Хочется верить, что подобная судьба ждет и наследие Виктора Корецкого, пророчески утверждавшего: «Плакат должен быть злободневным, но мы знаем случаи, когда созданные на злобу дня плакаты жили и живут десятилетиями. Это плакаты особенные, ибо в них художниками вложено нечто большее, чем тема дня. Они выражают прогрессивные, гуманистические идеи, воплощенные в высокохудожественных образах».

ФОТО: ДАВИД ШОГОМОВИЧ/РИА НОВОСТИ

Писатель Л. Леонов у своего миниатюрного токарного станка. 1948

Непрочитанный Леонов

Дарья Ефремова

Имя классика, сравнимого по силе таланта с Набоковым и Булгаковым, обычно упоминается в связке с двумя эпитетами — «забытый» и «непрочитанный». Блистательный стилист, дважды номинант на Нобелевку, философ традиции Достоевского, автор беспощадной человеческой комедии и в этом смысле наследник Бальзака, Флобера и Золя, он заслужил восхищение Горького, зависть Бунина и поклонение Распутина.

СТОЛЕТИЕ Леопова — дата национального торжества, — говорил о забытом классике классик безусловный, призывая вечность склониться над Россией.

Не боявшийся бросить вызов жизни и времени (именно в этом порядке) Леонид Леонов сумел разглядеть нечто особенное, высокое и одновременно страшное во тьме почти безъязыкой — в глубине мужицкой души, став создателем ключевой в XX веке школы народной литературы, позже названной «деревенской». Автор экспрессивных модернистских повестей (из них выросла проза Бориса Пильняка и Андрея Платонова) еще в двадцатые приятно удивил ценителей хорошей остросоциальной литературы романом «Вор», воссоздавшим карнавальнй, агонизирующий мир нэпмановской Москвы. Там, в местечке с уютным

названием Благуша блуждает гражданин в клетчатом демисезоне, «сыщик ли насчет сердечных и умственных тайностей, застройщик пустопорожних мест, балаганщик с мешком недозволённых кукол». Не Мардук из страны Ила, не какой-то причудливый бес, всего лишь писателишка, «взыскательным оком выбирает он пустырь», чтобы «воздвигнуть несуществующие пока дома с подвалами, чердаками, пивными заведениями, просто щелями для одиночного пребывания и заселить их призраками, что притащились сюда вместе с ним. «Пусть понежатся под солнышком и, поцветя положенные сроки, как и люди, сойдут в забвенье, будто не было!» Давно живые, они нетерпеливо толпились вокруг своего творца, продрогшие и затихшие, как всё на свете в ожидании бытия».

Отчаявшийся ввиду невозможности напиться, в тени палисадничка скрывается собеседник Демисезона, один из закоренелых благушинских чулочников. А сочинитель этот с чеховской фамилией Фирсов — на поверку не слишком приятный тип. Вот и ботинки у него давно не чищены, да и собственно демисезон при ближайшем рассмотрении не заграничный, а «крайне отечественный, даже смехотворный, как если бы шит был из подержанного, с толкучки, пледа».

Как и Набоков, с которым его роднит богатство приемов зрительного анализа, Леонов с легкостью доверял свою оптику персонажам — зачастую отрицательным. Но так ли важно, через чье выдавшее виды пенсне вглядываться в «недозволённых кукол». И вот, под перьями «фальшивой пальмы», на фоне «дурных картин», к счастью, едва различимых в слоистом дыму кабака,

Дом в деревне Полухино Калужской области, где родился отец Л. Леонова

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ТИХАНОВ/РИА НОВОСТИ

вырисовываются тени: крепыш из глубинки Николка Заварихин, вор-медвежатник Митя Векшин, исполнительница роковых песен Зина Балуева, ее поклонник «атлетической внешности в бекешке», накручивающий «помрачительной отделки ус», ну и еще какой-нибудь «зашиканный пропойца, пьяней вина и стоя на стуле» и плачущий «в три ручья по своей надежно загубленной жизни».

С.С. Есениным

При всей глубине и философичности «писатель космической мощи» умеет быть легким и остроумным, его хочется цитировать и даже зачитывать вслух, как Зоценко или Довлатова. Как тут не вспомнить благушинского полового, «летучего парня с бельмом», что «весь пятнистый и захватанный, как его салфетка». Он слегка обиделся на залетного нэпмана Заварихина, лягнувшего, что народец в заведении сомнительный, не зарежут ли, но ответил чин чином: «Просто субботний день, люди затруднительной жизни норовят стряхнуться... тут у нас икубарэ происходит, опять же кокетки, извиняюсь, заходят с улицы: публика, напротив, самая чистая».

И хотя по значимости для русской прозы Леонов ставят в один ряд с Булгаковым и Набоковым, страдательное наречие «забытый» идет с его именем в неразрывной склейке. По-видимому, именно с этим связан известный анекдотический диалог между Никитой Михалковым и его отцом Сергеем Владимировичем, пересказанный в книге Захара Прилепина («Подельник эпохи: Леонид Леонов»): «Папа, а Леонид Леонов еще жив?» — «Жив». — «И все еще соображает?» — «Соображает, но боится». — «Чего боится?» — «Соображать».

Очевидно, что пора забвения началась не сейчас (в наш нечитающий, оцифрованно-клиповый век), а гораздо раньше, когда писатель отправился в сомнительно-добровольное изгнание в середине пятидесятых. После выхода «производственного» романа «Русский лес» он не печатался десятилетиями.

В 1994-м, в год смерти автора, в трех спецвыпусках «Нашего современника» вышел плод его почти полувековой работы — 1500-страничный мистический роман-наваждение «Пирамида», задуманный одновременно с катехизисом русской интеллигенции «Мастером и Маргаритой», в смысловом и отчасти в сюжетном поле ему парный.

Повествование начинается от лица автобиографического персонажа, писателя Леонида Максимовича, ожидающего ареста

осенью 1940-го. Его последняя пьеса, как и булгаковская, запрещена к постановке. Чтобы хоть как-то отвлечься, опальный сочинитель идет прогуляться на кладбище, расположенное на окраине столицы, и видит: дочь местного священника беседует с выполненным в барельефе одного из столпов храма ангелом. Это — Дымков, растерянный, добрый дух, готовый прийти на помощь человечеству, но не способный ни понять, ни объяснить происходящее. Обличать не совершенное, пребывающее во грехе творение берутся дьявол в теле профессора-атеиста Шатаницкого и вождь, образ которого восходит к Великому инквизитору. Не верит в людей и отец Матвей, впадаю-

щий в гностическую ересь: он убежден, что Христос умер во искупление греха Творца, создавшего человека по какой-то досадной ошибке («Оно действительно состоялось, сошествие с небес, во искупление первородного греха... весь вопрос — чьего?»). Вождь настроен куда решительнее, а в общем — в духе утопий о сверхчеловеке, витавших в прогрессивном воздухе все прошлое столетие. «Нам с тобой, товарищ ангел, предстоит поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей для продления жизни на земле», — говорит он.

Дымков — здесь еще одно пересечение с Булгаковым — вытворяет в цирке чудеса, изумляет публику. Люди у Леонова — не просто испорченные квартирным вопросом москвичи, но измельчавшие до потери психологического объема пейзажи, готовые удовлетвориться любой буколической пасторалью. В отличие от полновластного хозяина положения Воланда Дымков не стремится кого-то проучить. Чтобы исполнить свое ангельское предназначение, он должен зарядиться энергией от людей, узнать их волю. Только свободы оказывается все больше, а воли — все меньше и меньше. Но даже проиграв спор о человечестве, ангел завершил собственную миссию — после того, как получил во сне страшное пророчество: искусственный интеллект замещает людишек с их чувствами, думами, чаяниями, роботизированные бессмертные приходят из далеких галактик и заселяют планету под видом ее коренных обитателей; «внешность пришельцев... остается стандартно прежней, раз и навсегда проверенный ген, кодирующий их суть и форму, всюду будет один и тот же, отчего при переходе в земные параметры тамошние гиганты и становятся неотличимы от людей».

Этот эсхатологический роман литературоведы определяют как отход от принципов, на которых строились предыдущие его вещи, в сторону символистской эстетики, предполагающей переходы из мира реального в ирреальный. Однако именно в «Пирамиде» Леонов преодолел важную тенденцию модернизма — незавершенность текста.

Он был и остается самым непрочитанным советским классиком, причем каждая его вещь не прочитана по-своему. Вышедший в двух авторских версиях «Вор» вызывает полемику даже среди специали-

стов, спорят о том, в какой лучше раскрывается замысел. «Пирамида» ставит в тупик неожиданной метафизической подоплекой. Но самая печальная судьба у романа «Русский лес». Угодивший в категорию «производственных», «совписовских», он оказался чуть ли не единственной в XX веке книгой, непосредственно повлиявшей на исторический процесс. После ее выхода задача озеленения восточных степей приобрела масштаб государственной важности.

Может быть, потому-то Леонов и недооценен, что его сложно устроенная проза требует слишком вдумчивой читательской работы, не дает готовых выводов и схем, настаивает на соразмышлении.

КОММЕНТАРИЙ

Павел Басинский,
литературовед

книгоиздателя. В годы Гражданской войны оказался в Архангельске, служил в Белой армии, потом, как пишут, поступил добровольцем в Красную.

Первые книги, повесть «Петушинский пролом» и роман «Барсуки», опубликованные в начале двадцатых, позволили заговорить о нем как о безусловном мастере. «Этот человек, без сомнения, является одной из самых больших надежд русской литературы», — характеризовал его Максим Горький. Они дружили, сохранилось множество фотографий, сделанных на вилле в Сорренто. Там Леонов начал модернистский роман «Вор», нашу-мевшую повесть о жизни русской эмиграции «Evgenia Ivanovna», не допущенную к печати и опубликованную через 25 лет.

Он — большой художник, его мастерство считается на уровне каждой метафоры. Замечательны «Барсуки», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан», повести «Конец мелкого человека», «Белая ночь»,

«Провинциальная история», пьесы «Унтиловск», «Метель», «Волк». Гениальна «Пирамида», значителен недооцененный «Русский лес» — первый русский экологический роман, писавшийся в те годы, когда об охране окружающей среды никто не слышал. Он и сам, живя в Переделкино, держал невероятный экзотический сад, выращивал растения, которые ему привозили со всего мира. Человек старой закалки и дореволюционных представлений, Леонид Леонов стал героем апокрифического анекдота телевизионщиков. В год одного из юбилеев к нему приехали из «Останкино», предложили снять о нем фильм. Долго работали в разных местах. Потом, когда ленту смонтировали, пригласили утвердить. Он благо-склонно просмотрел материалы, сказал, что все прекрасно. Режиссер обрадовался: все, камень с души свалился, запускаем в эфир. А писатель удивился: как в эфир? Такие панегирики, дескать, можно публиковать только после смерти.

У него очень интересная судьба. Родился в Москве. Оба деда владели книжными лавками в Зарядье, отец был известным поэтом суриковской школы. Сам писатель женился на дочери Сабашникова, крупнейшего

Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.)

Сергей Сизов

Омск: СибАДИ, 2018. — 239 с.

Книга историка Сергея Сизова представляет собой серьезное исследование, основанное на материалах «белых» газет. Читается новинка легко, ведь труд ее автора носит не столько научный, сколько просветительский характер.

Белый Омск — весьма примечательный исторический и социокультурный феномен: крупнейшему городу за Уралом, который в начале прошлого века называли Сибирским Лейпцигом, выпала очень непростая роль.

Страницы хроник рассказывают, как правило, о событиях громких и знаковых, а вместе с тем — о судьбах их вершителем. Повседневная жизнь обычных граждан, которых угораздило жить в эпоху непомерно больших перемен, традиционно оказывается за кадром. Этот быт кое-как отражен лишь на полосах старых газет, разбросанных по разным архивам.

С первого дня и до плачевного финала Белая столица жила фактически на осадном положении. После мятежа чехословаков в июне 1918-го власть большевиков пала, но к прежнему до-революционному укладу возврата уже быть не могло. Жизнь в городе, еще недавно благополучном и обеспеченном, за пару лет изменилась кардинально. Белая Россия была разорванным во всех отношениях, к тому же воевавшим государством, с огромным количеством проблем, неизбежно отражавшихся и на омских реалиях. Последние же отличались удивительной концентрацией прекрасного и ужасного, чудовищных трудностей и ярких достижений, высоких устремлений и редкой низости...

Тогдашнее положение дел весьма красноречиво отражено в лаконичном объявлении одной из газет: «Французский офицер желает получить комнату». Омск наводнили беженцы, иностранцы, его население менее чем за год выросло в несколько раз: от ста тысяч в 1917-м до полумиллиона к лету 1919-го. Жилья не хватало, поэтому вынужденные переселенцы рыли землянки, таборами селились в пригородных рощах. Бездомные обыватели порой предлагали до 2500 рублей тому, кто укажет свободную квартиру в две комнаты (при том, что месячная зарплата обычно не превышала 800 руб.).

Многочисленные гостиницы были забиты, вследствие чего новоприбывшие высокопоставленные особы по несколько месяцев жили в вагонах на железнодорожной ветке. Цены пухли как на дрожжах: пуд муки в сентябре 1918-го — 10 рублей, в начале августа следующего года — уже 60. Готовый хлеб для многих стал слишком дорогим. Его приходилось самостоятельно печь из муки низших сортов с добавлением отрубей и прочих примесей.

Не хватало дров и угля — не доставили вовремя в нужном количестве из-за нехватки пароходов (почти все увели отступавшие красные) и отсутствия вагонов. Зимой 1919-го хозяйки смотрели на обычное деревянное полено как на сокровище. Нечем было топить общественные бани. Оставшиеся без денег и дров учреждения закрывались.

В перенаселенном городе распространялись все возможные инфекции: тиф, холера, дизентерия, скарлатина, оспа. Недоставало медиков, а равно — лекарств.

В порядке вещей были грабежи и разбои. Чаще всего крали лошадей, иногда даже с колясками. Воровали и по-крупному. Например, увели целый вагон бензина, предназначенный для

французской военной миссии. Причем начальник вокзала заявил, что вагон французами уже получен, хотя не смог объяснить, кем именно и когда.

Здания школ и гимназий реквизировались для нужд различных ведомств, занятия приходилось проводить по вечерам в непригодных помещениях. Тем не менее в городе работали сразу два высших учебных заведения, открывшихся в 1917–1918 годах. Проходили в их стенах и научные конференции.

Неотъемлемой частью повседневности стали художественные выставки и вернисажи, поэтические вечера и концерты. Так было и тогда, когда стало ясно: печальный финал близок. Нередко выступали иностранные военные оркестры, звучали английские и шотландские песни, а у чехословаков нашлась даже арфа.

Парады проходили по любому поводу: в честь войск, отправлявшихся на фронт, по случаю прибытия союзников, в связи с различными годовщинами.

В омских храмах не прерывались службы, и довольно часто под колокольный звон шли по улицам и площадям крестные ходы.

Отвлечься от безрадостной действительности также помогало кино: «Я хожу посмотреть старую жизнь, отдохнуть немного от этого кошмара, от революции. Сажу это я в кинематографе, хочу забыть настоящее... И думаю, что все приснилось. Представляете, отдыхаю душой», — писал некий Каллистрат Кедров в статье под названием «Тоска по старой жизни».

И даже в то жестокое время омичи и приезжие неизменно находили воз-

можность сопереживать, помогать друг другу. Когда красные пошли в наступление, знаменитая певица Мария Каринская решила устроить «летучие концерты» в прифронтовой полосе. «Королеве цыганского романса» выделили два вагона, ее слушали на станциях, выступления не прерывались даже под дождем.

Впрочем, кто-то просто торопился жить. Рестораны, кафешантаны, городской театр и цирк были переполнены, толпы зрителей собирали скачки и парусные гонки на Иртыше.

Летом 1919 года городские госпитали оказались переполнены, и на станции Куломзино скопилось огромное количество вагонов с ранеными. Прочитав об этом в газете, гимназистка Зоя Гаврилова с подружкой решили принести им провизию, но выяснилось, что там возникли большие сложности даже с водой. Зоя сумела договориться на станции с неким истопником, и девушки вместе с сиделками стали таскать воду к эшелону, поить раненых солдат. Все увиденное гимназистка описала в письме, опубликованном в газете «Наш путь»: «Возвращаясь по Любинскому домой, я видела веселую нарядную толпу, которая, гуляя, смеялась, но ни одной из этих барыnek не придет на ум снять с себя шелк и золото, одеться в белый халат и идти туда, к этим страдальцам! Здесь в саду гремит музыка, а там люди умирают и некому подать воды».

Всеобщая внутренняя разобщенность, похоже, и являлась той самой главной причиной, которая предопределила для Белой России дальнейшую участь.

Символ веры

Михаил Нестеров. «Труды Преподобного Сергия»

Царей много, игумен — один

Ольга Марьяновская

В Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике развернута уникальная, богатейшая экспозиция. «Преподобный Сергий — помощник всему государству и государям российским» — так называется выставка, которая будет действовать в музейном комплексе «Конный двор» до конца 2020 года. Она знакомит посетителей с традициями почитания Сергия Радонежского, рассказывает об основании знаменитой Лавры и других важных вехах многовековой жизни страны.

КАК ИЗВЕСТНО, отрочество и юность будущего святого, небесного покровителя Руси прошли в селе Радонеж. На одном из макетов представлено в миниатюре, каким оно было в XV столетии. В соседней витрине показаны археологические находки из местного городища. Самая древняя из них — бронзовая подвеска VII–VIII веков в виде медведя. В дохристианские времена хозяина леса в этих местах почитали как священное животное. Копия рисунка из жития иллюстрирует повествование о том, как Сергей кормил и приручал косолапого гиганта. Возможно, авторы придавали данному эпизоду символический смысл — указывали на духовное превосходство православного святого над языческим божеством.

На стендах — иконы XVI столетия с изображением Сергия Радонежского, многочисленные образы, созданные в последующие эпохи. Экспозиция рассказывает, как игумен земли Русской преобразовывал монашество, способствовал развитию православной культуры, объединял разобщенный народ. Пришедшие на выставку имеют возможность изучить карту с обозначением обителей, основанных прп. Сергием, его учениками и последователями; рассмотреть иконы, на которых изображены Пафнутий Боровский, Стефан Махрицкий, Савва Сторожевский, написанный Симоном Ушаковым образ второго игумена Троице-Сергиева монастыря, преподобного Никона Радонежского — при нем были обретены нетленные мощи Сергия, построен Троицкий собор, для украшения которого преподобный Никон пригласил лучших иконописцев, иноков Андрея (Рублева) и Даниила (Черного).

История одной иконы любопытна особенно. Изготовление серебряной раки для мощей Сергия Радонежского начали еще при Иване IV, а после смерти Грозного царя, в 1585 году, ее лично доста-

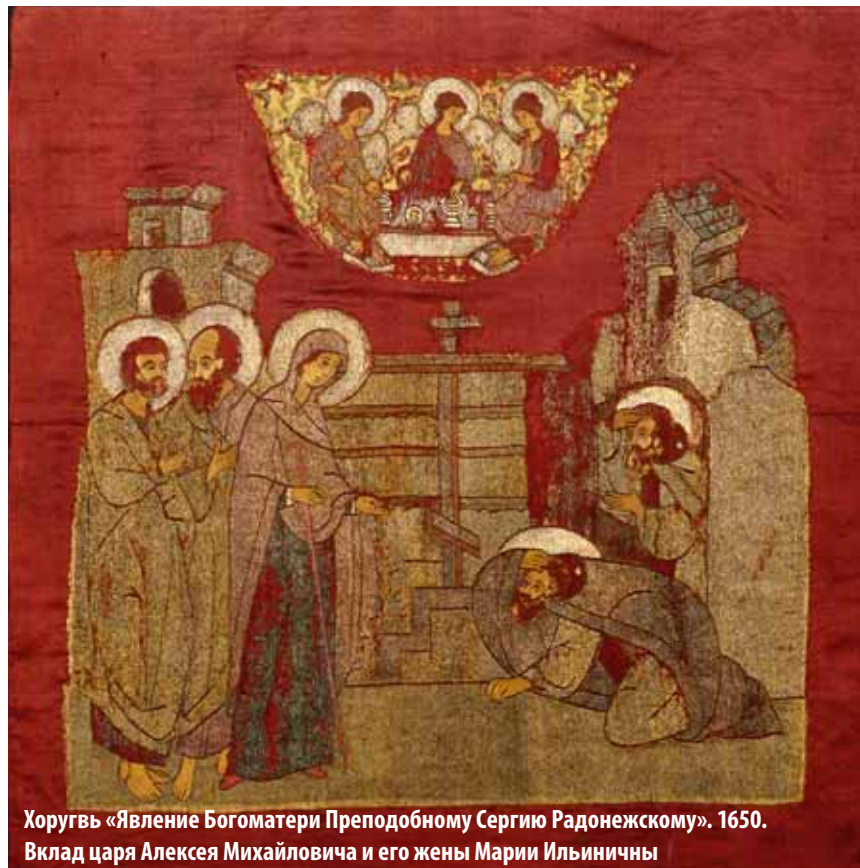
вили в монастырь Федор Иоаннович и его жена Ирина Годунова. Крышку деревянного гроба, в котором прежде хранились священные останки, приказано было «рознять на образы» и на одной части в 1588 году келарь Евстафий (Го-

Потир. Вклад Бориса Годунова
1596–1597

ловкин) написал икону «Явление Богоматери преподобному Сергию». Позже к среднику добавили створки, и получился искусно выполненный складень.

С середины XVII века икона стала покровительницей русского воинства. Впервые ее взял с собой на войну с Речью Посполитой царь Алексей Михайлович. По возвращении на среднике сделали надпись, свидетельствующую о том, что благодаря священной реликвии было одержано множество побед. Затем государь вернул святыню в монастырь. В следующий раз ее повезли на места сражений в 1703-м, по приказу Петра I. Несколькими годами она сопровождала воевавшую со шведами армию. С 30-х годов XVIII века икону украшал новый серебряный чеканный оклад; она была помещена в серебряный ковчег и деревянный киот, створы которого также были украшены серебряным окладом. Впоследствии на серебряной пластине, прикреплен-

Хоругвь «Явление Богоматери Преподобному Сергию Радонежскому». 1650.
Вклад царя Алексея Михайловича и его жены Марии Ильиничны

Троице-Сергиева лавра

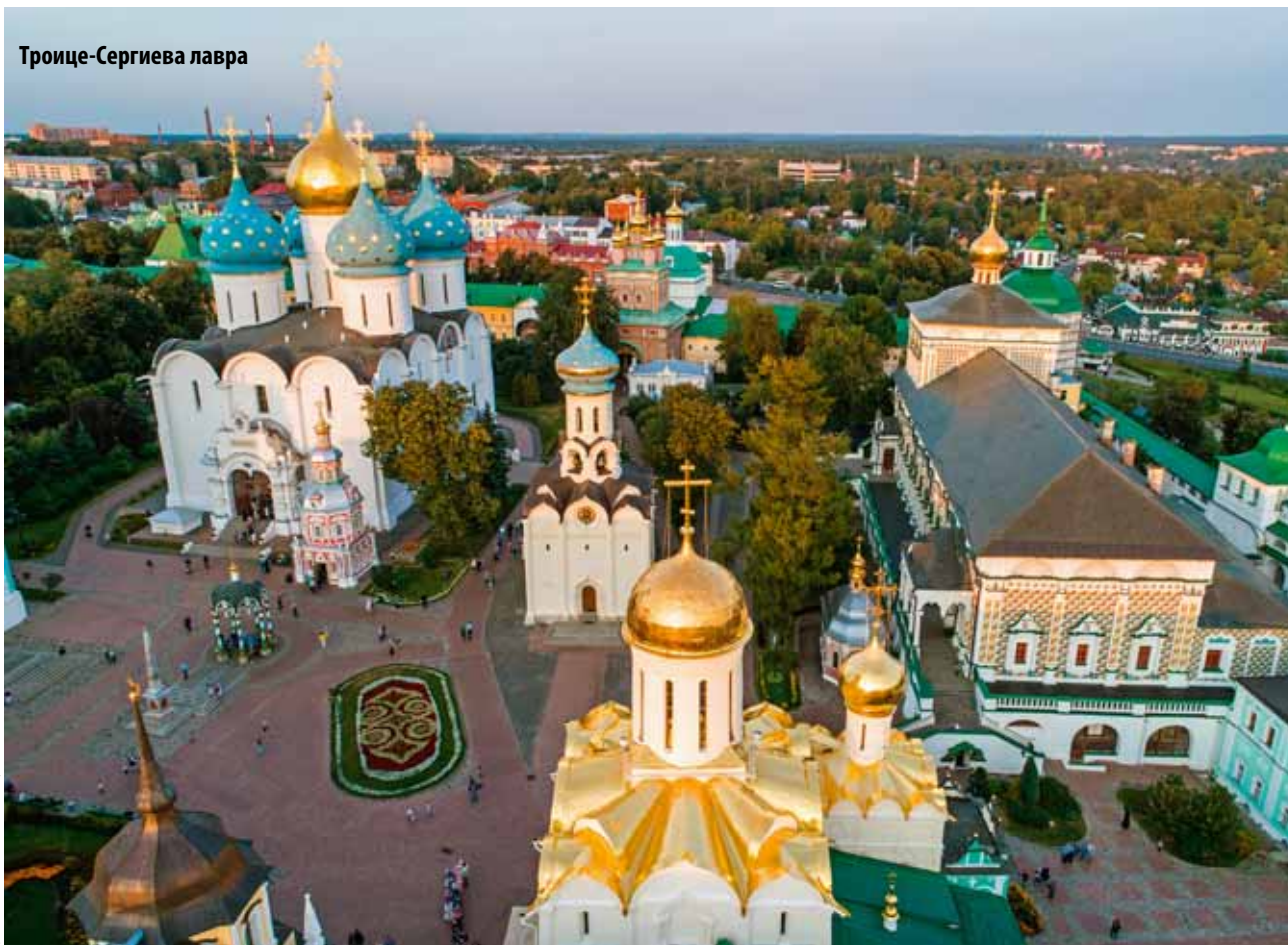

ФОТО: СЕРГЕЙ БОБЫЛЕВ/ТАСС

ной к окладу, выгравировали памятные строки, сообщаящие о ратных успехах, в том числе — в Полтавской битве.

В 1812 году священноархимандрит Троице-Сергиевой лавры митрополит Платон (Левшин) выслал икону Александру I, а государь передал ее московскому ополчению, героически сражавшемуся при Бородино и в заграничном походе, — о тех знаменательных событиях тоже было начертано на ковчеге. Побывала святыня и на Крымском полуострове в период Восточной войны: Александр II получил ее из рук митрополита Филарета и отправил в Крым. Пока складень везли, началось перемещение. В связи с этим на серебряном ковчеге появилась надпись: «И брань бежала от лица Ея...»

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов икона вновь находилась при монархе. В Русско-японскую главкомандующий Алексей Куропаткин возил ее на Дальний Восток. В 1914-м Николай II послал реликвию в ставку Верховного главкомандующего. Из-за последующих революционных событий новые надписи на ковчег никто не наносил...

Другой святой образ, созданный Евстафием (Головкиным) из части гробовой доски в 1591 году, — «Преподобный Сергий Радонежский с Житием» также представлен на выставке.

Икона «Преподобный Сергий Радонежский с Житием». 1591

Поистине великая миссия выпала Троице-Сергиеву монастырю во время Смуты. Обитель пережила почти 16-месячную осаду. Несмотря на яростные атаки, обстрелы, подрывы и подкопы, враги не смогли подняться на монастырские стены. Когда силы защитников были на исходе, на помощь подоспели отряды Михаила Скопина-Шуйского, и неприятель отступил. Стойкость осажденных, их победа сыграли ключевую роль, укрепили дух нашего народа, мобилизовали его на дальнейшую борьбу с иноземными захватчиками.

Во второй половине XIX века литографская мастерская Лавры, основываясь на сказаниях прославленного келаря Авраамия (Палицына), напечатала серии эстампов, посвященных этому подвигу. Два из них можно увидеть в зале музейного комплекса.

Копия иконы середины XVII века, на которой изображен план Троице-Сергиева монастыря, показывает, как он выглядел в ту эпоху. Под стеклом выставлены старинные рукописи: Указная грамота великого князя Ивана IV, «Копийная книга» 1859 года (перепись древних документов), «Вкладная книга» 1639 года — книга пожертвований княжеских, боярских, дворянских, купеческих и крестьянских родов. Монахи вели строгий учет как внешних вкладов, так и всего церковного имущества.

По словам старшего научного сотрудника музея Татьяны Кузнецовой, эти книги дают возможность проследить судьбу многих предметов, поступивших в коллекцию музея из Лавры. Самыми щедрыми были, разумеется, царские дары. Русские государи и государыни почитали преподобного Сергия как своего ходатая перед Богом, совершали паломничества к Троице, передавали обители земли, большие суммы денег, драгоценную утварь. Но и монастырь помогал государству в трудные времена.

Главный сюжет жития святого и данной выставки — Явление Божией Матери Сергию Радонежскому — представлен также на бархатном покрове, включающем в себя

Покров. «Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому». 1587

фрагменты древнего «воздуха» (плат, покрывающий богослужебные сосуда, был передан Лавре боярыней Матреной Вепревой в 1524 году). Шитый золотом, серебром и жемчугом покров на раку святого с тем же сюжетом поступил сюда от Бориса Годунова в 1587-м. Кроме того, будущий царь передал в дар монастырю серебряный с позолотой напольный трехсвечник в виде цветущего дерева и золотой литургический прибор, украшенный драгоценными камнями и чернью. Царствовавший четыре года Василий Шуйский успел подарить покров с образом преподобного Сергия.

Двусторонняя хоругвь — вклад царя Алексея Михайловича. Императрица Анна Иоанновна пожертвовала фелонь (богослужебное облачение священника), пошитую из коронационного платья, и две золотые панагии. Царица Елизавета Петровна — архиерейскую мантию с украшенными жемчугом скрижалками (на них изображены Сергий и Никон Радонежские, а также вензель вкладчицы), Екатерина II — вышитый золотом «воздух».

На выставке частично представлена коллекция портретов венценосных особ и членов их семей, которую Лавра собрала за несколько веков: Петра I — в его судьбе монастырь сыграл особую роль, будущий император укрывался за его стенами в 1682-м и 1689-м, во время стрелецких волнений и борьбы за власть; его единокровного брата Иоанна Алексеевича и супруги последнего Пракскови Федоровны; царевича Алексея Петровича, а также Петра II, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла Петровича, Александра I.

Выставленная здесь картина «Николай I в Серапионовой палатке» рассказывает о посещении в 1834 году императором места, где когда-то находилась келья преподобного Сергия и где святому явилась Приснодева.

Заслуживают внимания портреты выдающихся иерархов Русской православной церкви — митрополитов Платона (Левшина), Филарета (Дроздова) — и многие другие экспонаты. Некоторые из них возрождены реставраторами совсем недавно и показаны впервые.

ФОТО: РЖСЛАН КРИВОВОЗ/РИА НОВОСТИ

Гусь хрустально товарищ

Андрей Самохин

Этот народный промысел отличен от других прежде всего тем, что начался он не с производства домашних поделок. К тому же не проходил стадии маленькой артели, сразу стартовал с фабричного уровня и с высоких по своим временам технологий. Тем не менее конвейер, связанный с массовым ширпотребом, для него тупиковый путь, что доказала история более чем 250-летнего существования ремесла-искусства в городке с именем Гусь и профессиональной «фамилией» Хрустальный.

«**З**АВОД в Гусь-Хрустальном умер, древнего промысла больше нет!» — в потоке интернет-информации об одном из наиболее известных городов Владимирской области подобные траурно-гневные сообщения явно преобладают. Кто-то активно распространяет семилетней давности «новости» о закрытии основного гусевского предприятия из-за долгов энергетикам. Возобновление производства, произошедшее в 2013-м, сетевые знатоки комментируют с сарказмом: мол, поставили две печки китайские для от-

ФОТО: PHOTOPRESS

Здание Музея хрустала

ФОТО: СЕРГЕЙ САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

Памятник А. Мальцову
в Гусь-Хрустальном

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ГАСС

СТРАНА МАСТЕРОВ

ФОТО: ЮРИЙ КАВЕР/РИА НОВОСТИ

вода глаз и мелкую сувенирку для туристов кое-как мастачат. Чтобы оценить ситуацию на месте, отправимся в район малого Золотого кольца, в Мещёрский край, примерно за 170 км от Москвы.

Вопреки инсинуациям завод — хотя и уменьшенный по сравнению с прежним — жив, работает под новым брендом, носит имя своего основателя, купца Акима Мальцова, когда-то получившего за заслуги перед Россией дворянство. Компактный двухэтажный корпус — бывший цех эксклюзивного хрусталя — сохранил после модернизации старое назначение.

Заводской менеджер, ветеран Галина Власова показывает участки обновленного предприятия. Округлые зевы установленных на возвышенной площадке горшковых печей пышут жаром. Внутри каждого горшка при температуре около 1500 градусов варят хрусталь. Ингредиенты этого «блюда» — песок, соду, доломит, оксид свинца — закладывают в печь накануне вечером. Чтобы приготовленный материал назывался хрусталем, оксида должно быть не менее 24 процентов.

«Приправа» — цветной металл — даст стеклу нужный оттенок. Зеленый — от хрома, синий — от кобальта, фиолетовый — от марганца, красный — от селена. Полученный в результате совмещения оттенков и прозрачной основы так называемый накладной хрусталь — самый сложный в изготовлении и наиболее изысканный вид.

«Повара» — выдувальщики, прессовальщики, гутные мастера — в шортах и пляжных тапках (очень жарко) будто исполняют замысловатый танец на подиуме. У них в руках самодувки (металлические трубки с резиновыми грушами), ножницы. С помощью ловких движений умельцы формируют «ответвления» от сплошной заготовки. Но сперва вытянутую из печи горячую каплю равномерно вращают вокруг оси, одновременно расширяя до нужных размеров — закаченным посредством груши воздухом. Другие мастера делают то же самое ртом, как их далекие предшественники.

Для небольших изменений формы или соединения одной детали с другой заготовки подогреваются в маленьких печках-«кукушках». Методом газовой инжекции профессионал соединяет, например, вазу для фруктов с изысканной ножкой.

После нескольких операций заготовка проходит через печи отжига, снимающие за несколько часов температурное напряжение стекла. Крупные изделия отжигают сутками. Затем на специальном круге у сосудов отрезаются «колпаки» — все, что выходит за пределы формы. Осуществляется первый контроль качества: нет ли крупных пузырьков, искривлений и прочих дефектов.

Указывая на висящий на стенке эскиз носорога, бригадир выдувальщиков Евгений Гусев поясняет идею нового сувенира:

ФОТО: ЛЕВ УСТИНОВ/РИА НОВОСТИ

— Мы от-
рабатываем ее на
верстаке. Задумка худож-
ника корректируется норовом
стекла, тем, как ему хочется лечь.
Хрусталь — как живое существо,
мягкое и грубое одновременно. С
ним нужно найти взаимопонима-
ние, — сообщает мастер и немного
рассказывает о себе. — На заводе
работали мои родители, а я со шко-
лы ходил сюда на экскурсии. Так и
увлекся на всю жизнь. Сегодня к
нам тоже водят школьников, и у
них зачастую глаза горят. Толь-
ко эти ребята в отличие от меня
не могут окончить здешнее
ФЗУ — его давно нет. А ведь
это была единственная шко-
ла мастеров-стеклодувов в
Союзе.

Идем далее, в от-
дел декорирова-
ния, где сидящая
в углу девушка —
не по трафарету,
а вручную, глядя
на образец из ка-
талога, — наносит
маркером геоме-
трический рису-
нок на стаканы,
вращающиеся на
турнетке. По этой
разметке ее кол-
леги — опять же

вручную —
гранят изделия
алмазными кругами под
струей воды. Все здесь — масте-
ра высшего разряда и как худ-
ожники имеют право созда-
вать изображения по своему
вкусу. Вот рождается сувенир —
хрустальное яйцо
со сложным орнаментом.
После огранки оно отпра-
вится на химическую поли-
ровку (серной и плавико-
вой кислотой). В
дальнейшем —
окончательная
шлифовка.

На подокон-
нике видны
хрустальные
боксерские
перчатки,
и зяч н ы е
мышки чай-
ного цвета и
чрезвычайно
хитроумной кон-
струкции. Чуть
поодаль — такие
же мышата со
дна графина смо-

трят на
горлышко,
увен-
ч а н н о е
затычкой в
виде кусочка
сыра. Как они
туда попали,
горловина-то
узкая? Разгадать
загадку посторон-
нему удастся не сразу, хоть она и не
сложна с точки зрения стеклодува:
горло вначале делается широким,
чтобы можно было фигурку с раз-
мягченной огнем «пятой точкой»
приклеить намертво к стеклянно-
му днищу, а потом уже и горловина
разогревается, вытягивается кле-
щами-сошками вверх.

Неподалеку — целый ряд при-
чудливых по форме «штрафных»
рюмок: пока не выпьешь до дна,
на скатерть не поставишь. Таких,
хорошо забытых и совсем новых,
«фишек» тут много. Всяк поймет,
что этих мастеров их работа-твор-
чество увлекает по-настоящему. В
просторном зале заводского музея
поражают изяществом великолепно
выполненные вазы, сервизы,
скульптуры, целые художествен-
ные композиции из белого и раз-
ноцветного хрусталя. Более при-
земленный в плане эстетики, но не
менее качественный, сверкающий

ФОТО: А. СВЕДЛОВ/РИА НОВОСТИ

СТРАНА МАСТЕРОВ

всеми гранями и цветами ассортимент продукции завода можно увидеть в городском фирменном магазине. Цены, конечно, не самые «бюджетные», но ведь это — не «масскульт», вниманию покупателя предлагаются произведения прикладного искусства, подарки на всю жизнь. Кстати, Гусевский завод — один из немногих в Европе, где работают именно с классическим хрусталем, а не с его дешевыми имитациями. К тому же на Владимирщине до сих пор создают — за счет добавления металлов — вечный «внутренний цвет», а не покрывают стекло быстро выцветающими эмалями.

А самое главное — никакой конвейеризации, никакого автоматического тиражирования. Каждая вещь сделана вручную, что, собственно, и позволяет сохранять статус народного промысла.

По словам директора хрустального завода Владимира Черторогова, возобновить производство было горячим желанием не только работников завода и мэра, но и всех горожан, не желавших мириться с мыслью о гибели промысла, который дал название их городу и даже определил бытие. Общими силами нашли деньги и силы, за девять месяцев реконструировали предприятие, ввели его в строй. Опыт старых мастеров и художников, рецепты, эскизы, технологии никуда не ушли.

ФОТО: PHOTOPRESS

Музей хрусталя

ФОТО: АНДРЕЙ САМОХИН

ФОТО: РУСЛАН КРИВОБОК/РИА НОВОСТИ

ФОТО: СЕРГЕЙ САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

— Четыре горшковые печи мы сами сложили заново по имевшимся чертежам, — говорит Владимир Александрович. — Поначалу люди работали почти на голом энтузиазме, а когда заново возник и начал расширяться сбыт — стали увеличиваться и зарплаты. Мы намеренно отказались от ширпотреба, заняли нишу эксклюзива, ручного производства — цветного, накладного хрусталя, стремились свести воедино старинные мальцовские традиции, советские наработки и новые веяния. Наша задача — взять из наследия самое лучшее, держать марку. В 1990-е нас пытались приучить к примитиву «пластиковая посуда для фаст-фуда». Но я убежден: чтобы у детей мозги не оказались «пластиковыми», их нужно воспитывать на правильной, проверенной веками эстетике, а для этого нужны и красивые вазы, и изящные хрустальные бокалы — хотя бы по праздникам.

Главный художник предприятия, заслуженный художник России Владимир Касаткин показывает свои последние работы, выполненные к Пасхальной выставке, — массивные стилизованные кресты. Демонстрирует хрустальное яблоко, изображающее богатую палитру, поясняет: в нем собраны все цвета, которые используются в продукции завода. Владимир Иванович дает повертеть в руках хрустальный «Портрет художника», похожего на инопланетянина. По его словам, молодая арт-смена на заводе есть, пусть пока и немногочисленная. Например, Светлана Березина является выпускницей элитной Академии Штиглица в Питере. Уже проявила себя и местная уроженка Наталья Любимова.

Рассказывая о Гусевском заводе, нельзя не упомянуть об учреждении, административно с ним не связанном, однако близком по судьбе и по духу. Входящий в состав Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника Музей хрусталя был открыт для посетителей еще в 1983 году — благодаря энтузиастам во главе с тогдашним гендиректором ВСМЗ Алисой Аксеновой. Он расположен в величественном здании бывшего Георгиевского собора, памятника архитектуры, возведенного в 1903 году по заказу владельца завода Юрия Нечаева-Мальцова. Этот храм, выстроенный зодчим Леонтием Бенуа в оригинальном стиле, украшала потрясающая живопись Виктора Васнецова — картина «Страшный Суд», запрестольные образы в алтаре и приделах, а также мозаика, выполненная по рисунку великого живописца Владимиром Фроловым.

После революции собор был обезглавлен, использовался как гимнастический зал, потом — кинотеатр. Музей хрусталя открылся после титанической работы музейщиков, восстанавливавших первоначальный интерьер, включая васнецовский «Страшный Суд» и фроловскую мозаику. Здесь выставлены около 2000 предметов (всего их в хранилищах более 12 000) из стекла и хрусталя. Все это выпускалось на заводе с 1756-го, года основания Акимом Мальцовым, до наших дней.

Под звуки плывущей под сводами базилики, среди колоннад из черного лабрадорита, классической музыки этот волшебный-хрустальный мир производит очень сильное впечатление.

Штофы и рюмки, вазы и графины, помеченные фирменной мальцовской гранью (резко очерченными «алмазами» со звездочкой внутри каждого ромба), украшенные тонкой гравировкой с изображением причудливых трав, цветов, завитков; фужеры с царскими вензелями; посуда с главными символами минувших столетий — все это бережно, в полном соответствии с канонами выставлено в музейных витринах. Множество эпох и стилей отразилось как в магическом зеркале: классицизм и ар-деко, романтизм и советский конструктивизм, сталинский ампиризм и художественная имитация модной при Хрущеве пластмассы. Да-да, было и такое — хрусталь делали похожим на пластик...

Об истории производства хрусталя в России, предшественниках семьи Мальцовых, красивых легендах и забавных фактах, связанных с Гусевским заводом, сотрудники музея написали не одну монографию. В ответ на вопрос, чем же все-таки гусевское стекло отличается от западного и всех прочих, директор музея Виктория Угрюмова, задумавшись на мгновение, вспоминает случай из жизни. На одной из зарубежных выставок к ней подошел европейский искусствовед и не столько с восхищением, сколько снисходительно изрек: «Коренное отличие нашего хрусталя от вашего в том, что мы его создаем умом, а вы — сердцем».

Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Стоп-кадр

Татьянин мир

Николай Ирин

Как творческая, так и личная судьба Татьяны Самойловой интригует, даже завораживает. Она родилась и ушла в мир иной в мае. Да и главное событие в жизни артистки тоже случилось в этом месяце: на исходе весны 1958-го картина «Летят журавли» удостоилась «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля. Можно ли считать Самойлову безусловно великой актрисой? В таком качестве она, возможно, не состоялась. И тем не менее оставила в отечественном и мировом кинематографе чрезвычайно яркий, незабываемый след.

ГЛУПО утверждать (а таким заявлениям несть числа), что ее сгубил советский режим, не пустивший сниматься в Голливуд, где якобы только ее не доставало для некоего небывалого кассового триумфа. На фабрике грез всегда хватало своего. А главное, давно пора бы прекратить размечать нашу национальную территорию в соответствии с чуждадельными, пускай и довольно авторитетными стандартами.

Никакая власть, ни советская, ни постсоветская, уникальную творческую личность не губила. Достоверно известно, что многие люди и организации щедро и любовно поддерживали Самойлову в последние десятилетия ее жизни, хотя по сию пору в бульварных СМИ и сетевых

публиках зачем-то тиражируется (и отчего-то преобладает) примерно следующая точка зрения: «Позор системе, которая таких уникамов выбрасывает за борт. Ни на кого не похожая, величайшая, та, перед кем преклонялся весь мир, в своей стране была всеми позабыта, да еще и в унижительном состоянии безденежья пребывала. Какое злодейство!»

И ведь все это подается на полном серьезе, с абсолютной уверенностью в том, что пресловутый «весь мир» — критерий определяющий, что «там у них» беспреданно и единодушно кому-то поклоняются, наконец, что абстрактные социальные институты могут соперничать с ближним кругом (то бишь семьей) в плане влияния на индивидуальную человеческую судьбу.

Клевету, наветы пристало опровергать, а в ситуации с Татьяной Самойловой это важно тройне: она — фигура для послевоенной истории эмблематичная, знаковая.

Почему именно ее Михаил Калатозов утвердил на главную женскую роль, когда экранизировал пьесу Виктора Розова «Вечно живые»? За давностью лет ответить на данный вопрос трудно. Известно лишь, что Веронику по всем студийным раскладам должна была играть недавняя выпускница Щукинского училища, дочь легендарного актера Художественного театра Елена Добронравова. Но внезапно выбрали студентку той же самой «Щуки», дочь другого народного артиста СССР, непосредственного ученика Мейерхольда Евгения Самойлова. По факту переназначения можно сказать следующее: молодая исполнительница привнесла не столько даже высокое актерское умение, «мастерство переживания» (что ей впоследствии, после десятилетий простоя, было важно акцентировать в интервью), сколько зримую двуплановость индивидуальной психики. Из ниоткуда вспрыгнула на экран ее Белка, девушка с такой внутренней организацией,

которая в нашем официальном искусстве — во всяком случае экранном — прежде игнорировалась, замалчивалась.

Сюжет фильма, если отжать его до размеров базовой формулы, достаточно парадоксален. В обыденной жизни измена — дело сугубо личное, если не шибко злобствуют партийные ревнители нравственности. Впрочем, и те могли изменнику — изменнице разве только карьере подпортить. В свое время пользовалось популярностью шуточное стихотворение на данную тему: «В жизни всему уделяется место, рядом с добром уживается зло. Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Участники «треугольника» так или иначе, с издержками или без, перераспределяют и

постепенно нейтрализуют негативную психическую энергию. Однако в фильме «Летят журавли» героиня попадает в страшнейший капкан: Веронику некому прощать либо осуждать, отныне ей нельзя надеяться даже на понимание того, кому она изменила.

Возвышенный слоган «Вечно живые» в контексте личной истории приобретает, пожалуй, отчасти саркастический оттенок. Живой в физическом, биологическом смысле, возможно, простил бы или проклял, или хотя бы сделал попытку

понять. Но образ «вечно живого», с которым уже никак не встретиться, не соотнести, остается тяжелейшим камнем на душе, обрекает ее на бесконечное мучение.

Веронике невыносимо еще и потому, что война, на которой погиб ее жених (Алексей Баталов), была бедой-катастрофой всеобщей, общенародной, Борис же олицетворял часть той силы, без которой нет спасения никому. В финале ленты несчастная раздает цветы вернувшимся фронтовикам, но в ее положении подобная акция — паллиатив, кратковременное обезболивание: пролетающие журавли символизируют тех, кто уже никак не отреагирует на поступок молодой женщины, замыкают ее психику на принципиальную, абсолютную безответность. Кошмар вселенского масштаба —

СТОП-КАДР

вот пожизненная доля отступницы, и эту судьбу уже не переменить. Вероника полагала, что она сама по себе, а на нее внезапно обрушилась ответственность перед неисчислимым множеством людей.

Самойлова стала легендой отечественного и мирового искусства именно потому, что смогла соответствовать этой непосильной художественной задаче, сформулированной Розовым и Калатозовым. Актриса сыграла ограниченную, приземленную девчонку, с готовностью принявшую безграничное, неземное страдание. Воспеваемая «Летят журавли», отечественные критики чаще всего акцентируют внимание на кинематографическом мастерстве. Хотя во всем мире особенно чутко откликнулись на глубокие гуманистические смыслы.

Исполнительница существует в кадре поверх бытового измерения, и здесь не столько «игра», сколько укорененное в душе свойство. Впечатанные в психику черты, возможно, обусловлены тем, что мама Татьяны Самойловой, женщина незаурядная, властная, умная — актриса ее боготворила, — нисколько не сомневалась в праве дочери и на всемирную славу, и на совершенно особенное, эксклюзивное семейное счастье. Это обстоятельство, с одной стороны, обеспечило грандиозный успех первой же главной роли, но с другой, похоже, травмировало артистку: соответствовать гипертрофированной материнской требовательности без психических потерь вряд ли возможно. Комплекс вины на такой почве зарождается исподволь и разрастается по мере накопления жизненных неурядиц.

Первый муж Самойловой, однокурсник по Щукинскому училищу Василий Лановой, признавался впоследствии, что ему недвусмысленно дали понять: он, дескать, не вполне отвечает статусу пустившего его в свой круг почтенного семейства. Куда более драматично складывались отношения кинодивы с отцом ее единственного сына Дмитрием Эдуардом Мошковиным. «Властность мамы! — прочувствованно выдыхает Эдуард Самуилович в срежиссированной телевизионщиками программе. — Диктат был просто сумасшедший, мама говорила: все не так, ты родила, но ты еще не готова... Зинаида Ильинична держала в руках все и вся. Мне говорили: «Что ты можешь дать сыну, что ты есть?» Иногда вечерами со мною проводили политбеседы: «Ты все-таки понимаешь, кто твоя жена?!»

Казалось бы, факты такого рода — не более чем частная, внутрисемейная история. Однако без них совершенно невозможно понять специфику творческого и жизненного пути блистательной, неподражаемой Татьяны Самойловой.

Она первая в нашем киноискусстве решилась показать на экране двоемыслие. Но это было не примитивное псевдодиссидентское двурушничество, зрители подмечали нюансы сложной, многоуровневой психики советского горожанина — чувствительного, сублимного, способного отслеживать свои глубинные пласты, рефлектировать по поводу обстоятельств, которые в эпоху бурь и натисков учитывать не полагалось.

Замечательный киновед Майя Туровская по горячим следам вышедшей в прокат картины Калатозова писала об «инфернальности Вероники»: у кинокритики, даже в лице наиболее выдающихся ее представителей, не было на тот момент нужного инструментария, требуемого понятийного аппарата, чтобы адекватно описать двоимирность тонко устроенной героини. Самойлова,

судя по всему, работала с собственным подсознанием, отважно спускалась на самое его дно, извлекала оттуда болезненные впечатления и ставила их в основание психической жизни Вероники.

Надо ли говорить, что для актрисы подобного стиля и метода в советском кино попросту не нашлось соответствующего материала. Дело тут, повторимся, не в чем-то злом умысле, а именно в структурном несоответствии: нервная, болезненно внимательная к бессознательным процессам интуитивистка опережала цивилизационный поток. Ее приглашали в свои картины иностранцы — в лице режиссеров не первой величины. Необыкновенную артистическую природу пытался еще раз использовать в «Неотправленном письме» Калатозов.

Наконец, в 1967 году она сыграла у Александра Зархи Анну Каренину — заветную роль всех сильных женских натур, тяготеющих к острому рисунку игры. Ничего, подобного фантастическому и абсолютно заслуженному успеху фильма «Летят журавли», не случилось. Татьяна Евгеньевна жила собственной жизнью, на своей планете: редкие роли в Театре-студии киноактера, выездные концерты, уединение, иногда даже затворничество — загадочный мир женщины невероятно сложного психического устройства...

«Мы не меняемся совсем. Мы те же, что и в детстве раннем. Мы лишь живем. И только тем кору грубеющую раним», — писал многое повидавший и испытывавший поэт-фронтовик Давид Самойлов, чьи слова поразительно созвучны с судьбой его однофамилицы.

Родительская любовь и требовательность стала, по-видимому, причиной дочерней нервности, отягощенной скрытностью. На таком топливе, кстати сказать, делали свои шедевры голливудские мастера. Закономерное стремление нравиться, желание быть «правильной», «хорошей» оборачивалось подсознательным отталкиванием от этой повинности, приводило к регулярным психическим срывам. Горячо любимого сына Дмитрия, уехавшего в середине 1990-х в Америку, она неизменно аттестовала как «очень по-

слушного», и это воспринимается как невольная проекция собственной перманентной установки.

В том, что Татьяна Самойлова не смогла до конца, в течение всей творческой жизни, реализовать свой редкий потенциал (двух-трех ролей, пусть и ставших легендарными, все-таки до обидного мало), не виноват никто: ни советская власть, ни требовательная мама, ни тем более сама актриса. С другой стороны, ее сложная внутренняя борьба дала однажды (или дважды, с учетом толстовской Анны?) поистине гениальный результат. Не было бы эпохального прорыва картины «Летят журавли», мы очень многое бы потеряли, а точнее — попросту не нашли. Национальный кинематограф, возможно, не заиграл бы новыми яркими красками, когда б не художественное открытие, достигнутое ценой травмоопасных состояний. Принять ее судьбу и мир как значимую данность, как суверенную ценность — задача благодарных зрителей нынешних и будущих поколений.

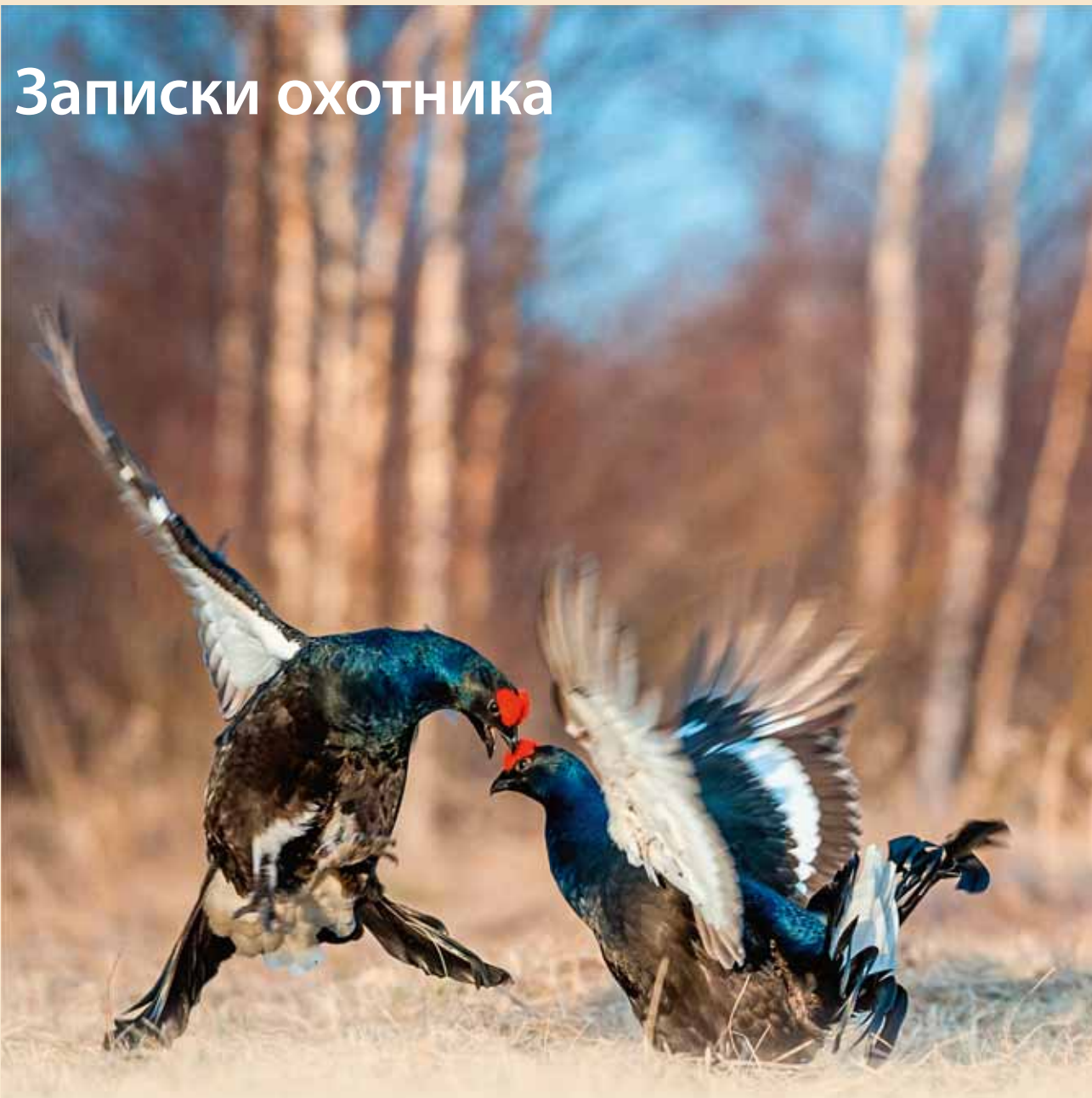
«Понять ее трудно, — подбирает слова сын Дмитрий. — Она поэтична». Охотно согласимся с предельно кратким и в то же время всеобъемлющим определением, которое — одновременно — анализ ее уникального метода и признание в любви.

ФОТО: ВАДИМ ТАРАКАНОВ/ТАСС

Записки охотника

ФОТО: PHOTOPRESS

Ударенные током

Михаил Булгаков

На оживленных улицах больших городов можно час, другой и третий спрашивать у прохожих, кто из них видел в лесу живого глухаря, и тут же узнать: никто. Можно поспрашивать у городских охотников. И среди них мало найдется тех, кто охотился на этих птиц, а живут они в почтительном удалении от крупных населенных пунктов. Чтобы увидеть глухаря, надо податься от цивилизации в такую глушь, где люди — редкие гости. Из Москвы лучше всего отправиться в северную холодную сторонушку, куда-нибудь в вологодские лесные трущобы.

БЕСКРАЙНЕЙ тайги с девственными хвойными лесами и на Вологодчине почти не осталось, а в тех местах, куда наведалься человек, сохранились лишь недорубы — оазисы зеленого мира, в некотором роде масштабные музейные экспозиции. Недоруб — это, как правило, красивый нетронутый лес, хотя само слово предполагает как будто нечто недоброе: рубили, дескать, но не до рубили, убивали, но не убили. И все же определение — самое подходящее для названия оставшихся островов лесной чащи.

Не знаю, почему беспощадный топор алчных дровосеков не коснулся этих оазисов, но могу предположить: своим спасением они были обязаны либо незрелой молодости, либо совершенной уж невозможности вывоза с лесосек.

Так или иначе, в недорубах нашли укрытие звери и птицы, сумевшие выжить. Для охотников это обстоятельство имеет первостепенное значение. Но не потому, что есть шанс воспользоваться — добить животных окончательно, а совсем по другой причине. Если бы дичь перевелась, то незачем было бы ехать на далекий север, а усидеть в городских квартирах круглый год страстным любителям охоты явно не под силу. Тем более когда дело

касается северных лесов. Специальных опросов в охотничьих кругах никто не проводил, но охота на глухарей — вне конкуренции, это самая сильная привязанность тех, кто специализируется по птице.

Я охотился на них и в других краях, скажем, пензенских, но тамошние леса — клокастыми, огромными лентами опутывающие пахоту, луга и наезженные дороги — если не портят, то и не могут подарить мало-мальски стоящие впечатления от свидания с глухарями. Воображение пензенского охотника легко простирается за границы лесного массива, а там — ухоженные поля и линии электропередачи. Фантазиям его северного коллеги подобные преграды не мешают, обычно он и не задумывается о существовании пределов охотничьих просторов — настолько те, даже жестоко пострадавшие от человеческой жадности, велики. А раз бескрайние, то нет чувства ущербности, стесненности, как от «камерной» охоты под той же Пензой. Нет и панического страха перед страждущими собратьями, готовыми в любой момент вторгнуться в заветные уголья, дабы уничтожить последнюю пару-тройку глухарей.

Совсем иные чувства охватывают, когда известно, что к северу лес, пусть и искалеченный, тянет-

ся чуть ли не к самому студеному морю, а на западе кончается где-то в Финляндии, на востоке... кто ж его знает, похоже, у отрогов Урала. Ну а на юге — делать просто-напросто нечего, там — Москва, заводы, толпы людей и все, что пожелает душа. Кроме глухарей. Они — здесь.

...К ночному походу охотники готовятся с вечера. Один из них накануне сходил на разведку к лесному озеру и решил проведать тетеревиный ток, так что маршруты друзей разойдутся, и каждый отправится своей дорогой.

Ночь. Глубокая, северная. Еще не обозначились верные признаки нарождающейся зари, и узнаваемые днем очертания молчаливо-настороженного недоруба сливаются с темным небом, растворяются в непроглядном мраке. Но охотник не заплутает, не собьется с пути. Он неторопливо, однако уверенно продвигается по тропе; не споткнется о пень либо кочку, в нужном месте обойдет колдобину, переберется через валежину.

Вот справа стало проглядывать — не почудилось ли? — сероватое пятно. Нет, ошибки быть не может, знакомая березовая роща, все в порядке. Ну а если повезет и тучи, наглухо закрывшие небо, хотя бы на миг разорвутся, то в небесном окошке появится несколько звездочек-маячков. Этого вполне достаточно, чтобы охотник окончательно успокоился, убедился в правильности выбранного пути. А то и еще какие-нибудь приметы попадутся: выворотень ли громадный или чернеющий даже в ночи непроходимый молодой ельник.

Ночь — не городская, не та, что озарена отсветами бесчисленных огней, растревожена порожденным тысячью причин шумом. И не сельская-деревенская — спокойная, а все же нарушаемая нестройным хором подгулявших механизаторов, взбредами дворовых кобелей или криками очумелых от ночного безделья петухов. О нет, в тишине северной ночи ничего не распозна-

ет даже до предела обостренный охотничий слух. Она почти абсолютна.

В многочисленных справочниках и руководствах авторы, стараясь помочь молодым охотникам, часто пытаются воспроизвести на бумаге звуки глухариной песни, упоминают и о том, что они слабые, трудноразличимые. Как по мне — напрасные хлопоты. Конечно, если оказаться на току в рассветный час, то посторонних шумов и звуков в лесу уже будет предостаточно, поди разберись в них. Но глухарь начинает петь раньше — в тот час, когда все еще спит.

Приведите такого молодого на ток, и он сам, ну-трот своим услышит и тотчас распознает необычную, ни на что не похожую глухариную песню. Надо лишь дождаться, когда покой леса нарушит странный, словно не птице принадлежащий, а откуда-то из бездонной глубины прошлых тысячелетий донесшийся звук.

Первое колено этой песни не врывается в ночную тишину, не раскалывает, но будто бы осторожно, с перемолчками стучится в нее. Убедившись в своем одиночестве, глухарь начинает царапаться в ночь, скрежещать по безмолвию все настойчивее, все громче.

Опомнись, остановись, бородатый певец. Ты не один в ночном лесу, твоя песнь услышана. Уже встре-пенулся, вздрогнул всем телом охотник и начал медленно, но неумолимо двигаться по невидимому визиру к дереву, в кроне которого дает сольный концерт таинственная птица.

Заложенная в генах и подспудно пульсирующая память предков заставляет потомственного горожанина по-кошачьи мягко, вкрадчиво ступать в нехоженое, незнакомое лесу. В кромешной тьме, не полагаясь на зрение, а интуитивно, шестым чувством охотник угадывает и ловко обходит незримые препятствия: глубокие, наполненные до краев талой водой ямы, опасные, стальной прочности, сухие дреколья и острые пики сучков. Пружинистая нога быстро высвобождается из глубокого следа и плавно переносится вперед, делает шаг. Замерев перед самой землей, сапог, словно зрячий, безошибочно выбирает нужное место, бесшумно опускается и утверждается в мягкой вате мха...

Шагов можно сделать и два, и три, но лучше не искушать судьбу, не рисковать посреди лесного хлама и завалов — слишком велика ставка. Сделал шаг — замри! И не вздумай отирать режущие веки едучие струйки пота, не смей выскребать из-за шивороты больно колющие шею хвойные иглы, забудь о сочащейся в пропоротый сапог ледяной воде; давься, но боже тебя упаси чихнуть или кашлянуть. Можно только облизнуть спекшиеся губы, но прежде надо несколько раз двинуть кадыком, потому

что во рту уже давно пересохло, а язык распух и стал непослушным. Господи, какой нестерпимый звон в ушах.

Терпи, охотник, терпи! Вспоминай всех известных тебе святых, а заодно родных и близких до пятого колена, твори молитву, покаяйся в грехах совершенных и будущих — но терпи. Вот он, глухарь, совсем рядом, еще несколько шагов... Но что это? Нервно крутнув головой, птица тревожно вытянула шею и смолкла, стала нетерпеливо перебирать по ветке лапами... замерла...

В лесу опять тишина, ветра нет, не шумят макушки деревьев, не поскрипывают натужно стволы, не журчат в промоинах просыпающиеся днем ручейки. Все шорохи и звуки стихли еще вечером. Не слышно и зазывного квохтанья капалух, покоренных любовными серенадами ухажеров. Сделав, словно оперный певец, прочищающий горло, несколько глотательных движений, глухарь снова запел.

Еще несколько — последних — шагов. И уже не унять, не уговорить пошедшее вразнос, рвущееся из груди охотничье сердце. А успокоиться надо... Терпи, охотник, терпи!.. Есть еще в запасе мгновения для передышки, успокой дыхание, вспомни, когда вот так же, на разрыв, бился в недрах твоей плоти стук человеческой боли и радости. Ну

же, вспомни... Да не тогда ли, когда ты появился на свет божий и надрывно-восторженно возвестил всех об этом? Или в сладостный и грешный миг первого поцелуя? Тонкая и непонятная вещь — человеческая память. Годами и десятилетиями картины прошлого остаются в ней невостребованными. Если мозг может и не сохранить видения-ощущения детства, то в тайниках сердца они отыщутся всегда.

А что же взятый на мушку глухарь? После выстрела он становится просто добычей, дичью. Редкий, почетный, но все же только трофей, из предмета жгучего, необъятного желания превратившийся в большущего, но все же только петуха. Да разве в нем дело?

Поспрашивайте у опытных охотников о глухариных токах. Уверяю, больше всего услышите рассказов об охотах неудачных, несостоявшихся, драматичных. Прожженный глухарятник может часами вспоминать о трудной дороге, ночевках в весеннем лесу, повадках глухарей и глухарок, о самом токе, о глухариной песне... Много чего может рассказать старый охотник. Но прервите его красноречие и спросите, а убил все-таки на такой-то охоте глухаря? И он без всякого красноречия коротко ответит: «Взял». Именно «взял», а не «убил». И опять примется толковать о чем угодно, но только не о том, что стало с глухарем после выстрела.

Как странно... Я много раз бывал на глухарином току днем, но признаков ночной таинственности в нем никогда не обнаруживал. Проникающий сквозь сосновые ветви на землю свет золотистыми пятнами освещает черничник и моховые кочки — вот и все. Никакой загадки нет, самые лучшие сказки — вечерние и ночные. Чтобы их услышать и увидеть, надо всего лишь очутиться в лесу. Обычные люди зимними и весенними ночами спят дома, а в чащобе в это время бывают только охотники.

Обратный путь до избушки легок и скор. Щедрое солнце высветило, сделало явными опасности и препятствия ночной дороги. А в избе — новая благодать: чай от пуза и разговоры до упаду на нары, укрытые духовитым еловым лапником. Спать в лесной избушке можно и день, и два, да сколько душе угодно... как вдруг кому-то в голову приходит бодряя мысль, допустим, о розысках никому не известного глухариного тока.

Поиски легче вести ранней весной, когда еще лежит снег, и глухари начинают «чертить»: ходят по снегу с низко расставленными крыльями, оставляя характерные следы-линии. В конце апреля петухи уже не чертят, а вовсю поют, да и снег порой сходит. Другое дело — если вечером отправиться к месту предполагаемого тока «на подслух».

Глухари имеют обыкновение прилетать на ток с вечера, и отвадить их от этой привычки можно, лишь разгромив токовище или истребив глухарей. При посадке на деревья крупные птицы громко шумят крыльями. Охотник тотчас это отмечает, а иногда и воочию видит прилетающих на ток петухов. Но стрелять глухарей вечером он не станет, охота — утром, перед рассветом.

Хождение «на подслух», обычно без ружья, обостряет, как ни странно, наблюдательность. Одних лесных запахов столько, что их аромат — не осенний грибной и не летний сложный букет — щекочет ноздри и заставляет дышать полной грудью. Ранней весной тончайший легкий запах источает молодая хвоя, терпкие волны плывут с ягодных кустарников, даже от самой земли веет свежестью.

В сосновых недорубах гамма самая богатая, хвойные острова будто втягивают в себя ароматы со всей округи и уже не позволяют солнцу и ветру растворить, выдуть и бездарно растратить, растащить их во все стороны. Запахи тревожат и манят под сень загадочно

перешептывающихся на ветру деревьев, хранителей дешенных тайн.

В хвойных недорубах обычно живут старые одиночки, молодые каркуны появляются здесь случайно и надолго не задерживаются. Иногда добытый в этих местах глухарь бывает таким крупным, что охотник дивится его размерам, разворачивает траурным веером черный хвост, поднимает за ноги его длинное тело до тех пор, пока с трудом не оторвет от земли. Чтобы почувствовать тяжесть птицы, надо непременно поддерживать ее на весу на вытянутой руке.

О величине глухаря существует много небылиц, и охотники всех поколений на эту животрепещущую тему говорено предостаточно. Казалось бы, еще в XIX веке маститый Сабанеев расставил все точки над «i»: «взрослый глухарь редко весит более 12 фунтов», то есть никак не больше пяти-шести килограммов. Но мечтательная душа охотника не желает мириться с очевидным фактом и расставаться с легендами об огромных, былинной мощи стариках, статью если не с орла или индюка, то... в общем, очень больших.

Не один и не два года рядом с избой в лесу жил старый глухарь, прозванный охотниками «патриархом». На осенних охотах его видели не единожды, но он всегда поднимался на такое расстояние, что пущенная вдогонку крупная дробь не доставала, а может, не причиняла ему ощутимого вреда. Величину далеко летящей птицы определить не так-то просто, глаз должен «зацепиться» за предмет с известным размером и сопоставить объекты. Конечно, с Сабанеевым спорить не приходится, но «патриарх» был глухарем необыкновенным, это отмечали все, кто его видел.

Взлетал он с таким сильным даже для глухаря шумом, что охотник вздрагивал. Взмывал долго, натужно, а днем благоразумно отсиживался в густых, с перелестнутыми ветвями, молодых елках. При полете на «крейсерской» скорости его крылья издавали столь мощный свистящий звук, что как-то раз, неожиданно услышав этот свист, я перепугался. Но старый глухарь вовсе не собирался сесть мне на голову — пролетел далеко за деревьями. Кто-то предположил, что свист происходит из-за отсутствия нескольких перьев в крыльях или хвосте, но все у глухаря было на месте.

«Патриарха» пытались вытروпить с собаками, выгнать на засаду, подстеречь на осинниках, галечни-

ках и ягоде. За дело брались опытные глухарятники и энергичная молодежь — безрезультатно. А в один год «патриарх» взял да и исчез. Он так никогда и не был взвешен на безмене. Теперь, по прошествии многих лет, тех, кто его видел, и подавно не переубедить, что это был просто крупный глухарь, — все в один голос утверждают, что Сабанеев оказался не прав. Странно, но характерного свиста крыльев «патриарха», как и его самого, никто не встречал на глухариных токах.

Ошибиться в размерах и возрасте легко. Раз принесли мы с другом по глухарю и подвесили трофеи в «холодной» на вбитые в стену крючья. Стали сравнивать, пытаюсь определить — по бороде, ширине хвостовых перьев, цвету и величине клюва — сколько же им лет. Нам хотелось, чтобы птицы были солидного возраста, и по всем признакам выходило, что глухарям никак не меньше трех лет, а может, и все пять. Но пришел третий охотник, выслушал наши резоны и повесил на свободный крюк своего — рядом с двумя «стариками». Стыдливо умолкнув, мы поспешили выйти из «холодной», чтобы остыть на свежем воздухе. Последний глухарь оказался стариком настоящим, без всяких кавычек, был в полтора раза крупнее «трех-пятигодовалых».

Глухариная тема — излюбленная в охотничьих компаниях.

Где всего больше глухарей? Ну, конечно, как можно дальше от жилья, там, «где нас нет». А вдруг половодье на реке Пустой не позволит пробраться на дальние тока? Топоры-то на что, скобы — переправу наведем! Да ведь снег еще не сошел, без лыж не одолеть дорогу, а глухари и рядом есть... Такие или похожие разговоры ведут охотники, разлегшись на усталых душистым сеном нарах. Говорят они много, а еще больше курят.

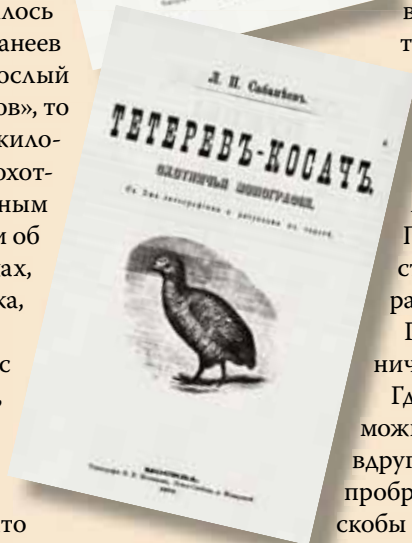
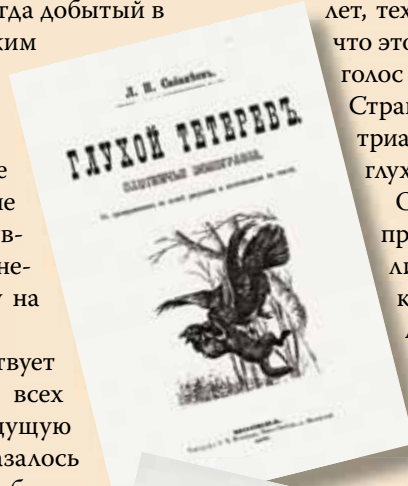
Тут вступает всеми уважаемый и до поры молчавший Предводитель. Ни к кому персонально не обращаясь, голосом, лишенным всякого выражения, он сообщает, что в шестьдесят седьмом квартале есть недоруб, туда можно привести целую роту (ну, ладно, пусть взвод) охотников, и никто без глухаря не останется.

Тональность беседы мгновенно меняется. О! Шестидесят седьмой квартал!.. Но это же... это же восемь километров от избы. По снегу!

Сколько-сколько, говорите, там токует глухарей?

Некурящий Предводитель заходится в кашле от табачного дыма, но, не моргнув глазом, отвечает: не меньше тридцати.

Вопрос исчерпан. Двух добровольцев уже не остановить: разливы на Пустой — детский лепет, прорвемся; восемь километров — как-нибудь, не впервой;

лыжи... А что лыжи? Найдем сухие да горбатые доски. Сыщутся и сырмятные ремни, гвозди, достанет и умения — все сладится у охотников, когда «вопрос исчерпан».

Путь до «шестьдесят седьмого» проторен давно, но одна статья преодолевать его осенью, и совсем другая — весной.

Сборы затягиваются, еще и еще раз оттачиваются топоры и ножи, проверяются электрические фонарики, калибруются и пересчитываются патроны, пробуются на прочность смазанные парафиновой свечой лыжи, неуклюжие, неподъемные, а все же снегоступы.

Охотники выходят в дорогу за светом, чтобы первую переправу — самую рискованную — осилить дотемна. Полуденное вешнее солнце так растопило, раскиселило снег, что ходоки, глубоко проваливаясь на самодельных лыжах в рыхлой целине, продвигаются вперед еле-еле.

С тревогой поглядывают на быстро сереющее небо и прибавляют шаг, но скоро в лесу становится совсем непроглядно. Пора включать фонари, настроение путников падает до критической отметки: как-то будет на переправе? Река должна быть где-то совсем рядом, но почему не слышно журчания воды? Что-то не так...

Да вот же она — река! А разлива-то нет и в помине, еще не пошла с верховьев большая вода, и промоины перескочить можно, не замочив штаны.

Ободренные таким поворотом событий путники, не останавливаясь, маршем переходят речку вброд и, чуть не приплясывая от удачи, разводят на берегу большущий костер, на котором чайник закипает в пять минут. Вот тебе и Пустая, вот тебе и охотстрахи! А тут еще и вечерний морозец стал корочкой снег покрывать, занастел снег — рысью на лыжах бежать можно. Радуются друзья, что фортуна к ним повернулась.

Так хочется пожелать удачи, разделить с ними радость... Но не могу, потому как доподлинно знаю, что случится на следующий день. А друзья-охотники пока сидят у костра на пустынном берегу тихой речки Пустой, и невдомек им, что завтра на обратном пути они потратят на переправу через спятившую реку целые сутки. Ночной мороз не сдержит копившихся в недрах земли сил, полая вода взломает лед, вздыбит, перевернет и понесет его вниз по течению, воздвигая заторы и вновь их сокрушая. Вконец измучившись, охотники понапрасну повалят с десятков высоченных берез, тут же сметаемых и увлекаемых водой, точно спички. И не пять минут, как накануне, а почти всю ночь будут греться и сушить у костра промокшую, тяжелую от воды и пота одежду.

Откуда знать пьющим вкусный горячий чай охотникам, что не завтра, а только послезавтра утром, отчаявшись навести переправу, они будут настойчиво искать и таки найдут место, где река широко разлилась и неслась не так стремительно, чтобы сбить с ног человека. Охотники разденутся донага и, подняв пожитки над головой, а ружья повесив через грудь

за спину, перейдут речку по горло в студеной, перехватывающей дыхание воде. И у одного из них пронесшаяся мимо коряга своими воровскими сучьями вырвет из рук и утащит сидор с двумя глухарями, без которых весь поход в шестьдесят седьмой квартал вроде бы уже окончательно потеряет всякий смысл.

Охотники выдюжат: одолев реку, снова разведут костер, снова обсохнут и согреются, и уже без лыж, сломанных еще по дороге на ток, кляня судьбу, из последних сил добредут до избушки, встретив вышедших на поиски товарищей.

Угнездясь поближе к потрескивающей березовыми поленьями печке, охотники обстоятельно расскажут о походе. Кто-то вспомнит, как он отговаривал от опасного мероприятия, и все согласятся, что пускаться в такие авантюры — мальчишество... Но через год уже не Предводитель, а один из вновь окрещенных шестьдесят седьмым кварталом охотников поведает о том, сколько там токует глухарей. И снова найдутся одержимые. Не исключено, что и сам Предводитель, разменявший седьмой десяток, тряхнет стариной и отправится в далекий лесной квартал в поисках охотничьего счастья.

Трапезная

Где пир честной, там дух мясной

Максим Сырников

В старинных книгах в качестве почти неперемennого угощения по большим праздникам, в мясоед (период, когда православным можно есть мясо), упоминается буженина. Русские люди знали толк в приготовлении этого аппетитного блюда, к примеру, классик отечественной кулинарной литературы Елена Молоховец таких способов знала множество, а часть рецептов рекомендовала читательницам в своем знаменитом издании «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861).

БУЖЕНИНУ у нас всегда делали по-разному. Пожалуй, единственным, что роднило все рецепты, было условие: окорок не нуждается в продолжительном мариновании, просто снимают кожу, вынимают кость, шпигуют, а далее запекают либо варят с теми или иными добавками. При этом надо помнить: мясо в процессе готовки нельзя пересушивать, за ним нужно следить, не допуская испарения сока. Стряпухи в старину пользовались специальной толстой иглой, которой удобно прокалывать мякоть, чтобы посмотреть, какая жидкость из нее вытекает — прозрачная или все еще розовая. Буженину можно не только запекать, но и варить. Для этого окорок обвязывают шпагатом, помещают в кастрюлю с бульоном так, чтобы он покрывал мясо, и варят до готовности с пряностями и кореньями.

Буженина

На 8–10 порций:

- ✳ 2,5–3 кг свиного окорока одним куском с кожей
- ✳ 1 большая головка чеснока
- ✳ семена тмина
- ✳ 1 лавровый лист
- ✳ черный перец горошком
- ✳ крупная соль

Окорок поскоблим, при необходимости промоем и обсушим. Очень острым тонким ножом срежем кожу и часть подкожного жира. Подморозим отрезанный жир и нарежем его длинными брусочками.

Очистим чеснок. Если зубчики крупные, то нарежем их вдоль пополам либо брусочками. Если мелкие — оставим целыми. Сделаем в мясе проколы глубиной 2–3 см. Всякий раз, не вынимая ножа, поворачи-

ваем его на 90° и в образовавшееся отверстие вкладываем кусочек жира и зубчик (брусочек) чеснока.

Черный перец, лавровый лист, семена тмина и соль по вкусу положим в ступку и растолчем все это в порошок, которым натрем мясо со всех сторон.

Положим буженину в открытую латку или на противень, поставим в разогретую до 180°C духовку на 2,5–3 часа. В процессе жарки окорок

необходимо через каждые 15–20 минут поливать вытопленным жиром. При необходимости — если начнет подгорать — накроем листом фольги.

Буженина готова, когда после прокола толстой иглой на 3–4 см выделяется не розовая жидкость, а полностью прозрачная. Перед подачей дадим буженине постоять под листом фольги не меньше 20 минут.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. КОРЕЦКИЙ. ПЛАКАТ. 1945

Своя

МАЙ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Варшавы